

A photograph taken from inside a tent, looking out at a vast blue ocean under a clear sky. In the foreground, a person's bare feet are visible, resting on a collection of gear, including a black bag and a red bag with white text. The tent's dark fabric arch frames the top and sides of the scene. The overall mood is one of adventure and tranquility.

Наташа Труш
Одинокое
плавание
к острову Крым

Наташа Труш

**Одинокое плавание
к острову Крым**

«Издательские решения»

Труш Н.

Одинокое плавание к острову Крым / Н. Труш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832646-2

Она давно хотела отправиться в отпуск к морю на своей маленькой машинке, и однажды осенью это произошло. Она поехала навестить родственников, подругу и крымские места, где когда-то в юности у нее произошла романтическая история. Она даже подумать не могла о том, что история, произошедшая с ней давным-давно, вдруг получит продолжение, а Черное море соизволит открыть ей тайну, которую оно хранило почти четверть века.

ISBN 978-5-44-832646-2

© Труш Н.
© Издательские решения

Содержание

Самым близким людям...	6
I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Одиное плавание к острову Крым

Наташа Труш

© Наташа Труш, 2018

ISBN 978-5-4483-2646-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Самым близким людям...

В то время, когда мой великовозрастный сынок Гошка обучал меня мастерству вождения автомобиля, я и думать не могла о том, что сто раз вспомню эту науку. А уж о том, что это тот самый случай, когда ученик кое в чем даже превзойдет своего учителя, мне даже в голову прийти не могло. Но об этом позже. Я об учебе.

– Мамсик, не сжимай ты так руль, – говорил мне сын, трогая своей ладошкой-лопаткой мои побелевшие пальцы, которыми я буквально вцеплялась в баранку. – Руль надо лишь придерживать, а не хвататься за него, как...

Тут детеныш мой приводил сравнение, которое меня слегка коробило: ну, и познания у ребенка! Впрочем, образное мышление всего лишь, и, как говорится, ничего личного в виду не имелось. И все-таки...

Если в переводе на общечеловеческий, то это звучало так:

– Не вцепляйся ты в него мертвой хваткой.

– А как же песни всякие, типа, «крепче за шоферку держись...» этот самый...?

– Вот-вот, и песня про баранов, которые вцепляются! И ты ведь не в вокале совершенствуешься здесь, а грамотному вождению обучаешься, а потому слушай, что я тебе говорю...

«Прав, сто раз прав был сынок...», – думала я, засыпая в первую ночь своего путешествия безумной оптимистки, со сведенными намертво, словно окостеневшие куриные лапы из морозильника, пальцами рук.

На утро они разогнулись, но постоянно пытались принять привычную форму – как будто я держу быка за рога, да еще с такой силой, какая мне, женщине хрупкой, словно цветок, и присниться не могло.

...И сегодня, когда позади пять с лишним тысяч километров, накрученных на колеса моего маленького автомобильчика, и когда я отмылась от дорожной пыли, выпалась и перестала ощущать под собой несколько десятков лошадиных сил, пальцы мои при любом удобном случае принимают привычное положение, словно обхватывают руль. А по ночам мне снится, что я еще никуда не ездила, не возвращалась с победой, а только собираюсь в свое одиночное плавание к острову Крым, которое открыло мне большую тайну Черного моря. Оно, как оказалось, было совсем ни в чем не виновато...

I

Мне – сорок с небольшим «хвостиком». С таким небольшим, что я всем говорю, что пока еще тридцать семь, а чувствую я себя вообще на двадцать пять, и помахиваю хвостиком, как юная веселая такса. И тут я вовсе не кокетничаю. Просто очень стареть не хочется. И еще я умею, когда надо, завернуть хвостик колечком и показать молодым такую кузькину мать, что они просто диву даются.

Меня зовут Марина Андреева. Для коллег по работе – Марина Валерьевна. Для мужчин, что выются по весне, словно мухи над банкой с медом – Маришка, Маринушка, Марьяшка и даже Мари. Но в основном – Мариша, что мне тоже очень нравится.

Я современна и спортивна. Раз в неделю бассейн и сауна. А вот фитнес до одури и массаж до выпученных глаз – это не мое. Дома даже обруч вот уже года три сиротливо стоит у стенки за стулом. Как только само по себе появилось то, на чем обруч держится, так и его в руки не беру.

А ведь было время... Как в анекдоте портной – клиентке: «Мадам! У нас метр, метр и метр! И где мы будем делать талию?!» А диеты, будь они трижды неладны?! Сколько я себя истязала микроскопическими порциями каких-то листьев и трав! Бывало, что это методическое издевательство над организмом и давало ощутимый результат в районе талии и бедер. Но стоило чуть расслабиться, как любимые джинсы можно было надеть только лежа, а уж после стирки эта процедура и вовсе превращалась в дикую пытку, после которой час нельзя было ни ходить, ни сидеть. Можно было только стоять, желательно прислонясь к стенке, и привыкать к деревянным от стирки штанам.

Все дело в работе. Не, не над собой даже! А в работе, которую ты делаешь. С моей не разжиреешь. Белку в колесе видели? Крутит она это колесо с утра и до вечера, и не жалуется, что устала. Такая зверская работа. Вот и у меня с недавних пор такая же! Ни отдыха, ни продыха, зато талия имеется. Но все же, так мечтается плюнуть на все, в том числе и на талию, собрать чемодан, и...

Решение отправиться в путешествие на машине пришло не спонтанно. Это всегда было моей мечтой «номер раз», даже тогда, когда машины у меня и в помине не было, и не было даже никаких намеков на то, что я когда-нибудь из пешехода превращусь в автолюбителя.

О каких машинах можно было мечтать одинокой женщине, привычно сочетавшей в себе навыки солдата-новобранца и вьючной лошади, волочащей на горбу дом в виде убогой конуры в коммуналке-клоповнике, постылую работу «по лимиту», с которой не убежать в течение долгих лет, как с ненавистной каторги, ребенка с его вечными соплями, с неоплаченными квитанциями за детский сад?

Ну, разве только безобидно помечтать о том, как в один прекрасный день моя большая и дружная семья во главе с непьющим мужем-добытчиком и тремя розовощекими здоровыми детишками загружается в большое семейное авто с корзинками и рюкзаками, собаками и кошками, и едет к морю! К морю, братцы мои, которого я страшно боюсь, которое хранит свою жуткую тайну, но которое я, при всем при этом, очень люблю. И я хочу, чтобы и муж любимый и непьющий, и розовощекие киндеры с сюрпризами, и даже мои кошки с собаками, полюбили это море, как я, и потому, в отличие от соседей, мы не на дачу в Синявино отправляемся, а на юг!

Вот такие вот мечты были. К морю я ездила, конечно. На поезде. Раз в год. И, трясясь в грязном и душном плацкартном вагоне, я смотрела с верхней полки в открытое окно на ленту шоссе, по которому неслись к югу автомобили, и махала рукой проезжающим мимо счастливым. И они иногда отвечали мне тем же. А встречный ветер трепал мои волосы, не давал

открыть глаза, и мне казалось, что это я не на поезде еду к югу, а за рулем автомобиля с распахнутыми окнами. Или, как это правильнее, с опущенными стеклами. Да! Вот так правильно! А еще лучше, если это не просто автомобиль, а кабриолет, у которого крыши нет, а есть только синее небо и в нем облака.

О мечтах своих я помалкивала в тряпочку, так как Расскажи кому – смеяться бы стали! При зарплате в сто рублей мечтать о машине! Еще бы не смешно было! Машина по цене своей равна была, как минимум, комнате в коммунальной питерской квартире. Можно было даже махнуть комнатушку в убитой коммуналке на такую же убитую иномарку неизвестной породы, и пахать пожизненно на нее, доставая дефицитные запчасти, ползая по рынкам-разборкам, мечтая о том счастливом дне, когда можно будет этот хлам продать и купить что-нибудь приличное.

Потом пришли иные времена, и комнаты в коммуналках перестали менять на ржавые иномарки – несравнимы стали цены на «движимость» и недвижимость. Да и отечественные «ведра с болтами» все меньше стали встречаться на дорогах.

О, его величество автокредит! Он позволил всем желающим пересечь с разваливающимися на ходу четырехколесных драндулетов, на то, что уже смело можно назвать «машиной». Ну, или очень скромно, – как в моем случае! – «машинкой»!

Она стала моей сумочкой, шубкой, ночным клубом, баром-караоке, домиком на колесиках – в общем, всем-всем на свете. Правда, ездить по улицам стало сложно из-за огромного количества четырехколесных «друзей человека». Но мне чихать было на «пробки»! Я в них пела во все свое луженое горло, загадочно улыбалась тем, кто ехал со мной по пути и тем, кто пилил по встречке, болтала по телефону, смотрела кино, и даже читала и писала. И очень скоро безопасность я ощущала только сидя в своем автомобиле, который подвозил меня от работы до крыльца родного дома. И если случалось даже не поздно вечером отправляться куда-то пешком, я чувствовала себя: а) почти голой и б) абсолютно не защищенной от бродяг, придурков и хулиганов.

Поэтому, я никогда не пользовалась перехватывающими парковками, не экономила на бензине и не устраивала себе «день без автомобиля». И хоть зверски уставала от дороги и наглых мужиков, полагающих, что они ездят лучше всех, а блондинки – это вообще не люди, а обезьяны с гранатами, которые только под колесами мешаются, вечером, падая на диван, как таракан после изрядной дозы дихлофоса, я предавалась мечтам. Все о том же!

О том, как в один прекрасный день, будучи в законном отпуске, я все-таки сделаю то, о чем грезилось еще в далекие безмашинные времена. Ну, с оговорками, конечно. Без непьющего мужа, например. Непьющие, похоже, выродились, как класс. Во всяком случае, мне не встречаются. И вообще без какого-нибудь мужа.

Хотя, «какой-нибудь» нам и вовсе не нужен.

И без розовощеких детишек. Сколько я там себе их намечтала-то? Тройку, не менее! Чтоб, как положено, выполнить демографическую программу: один детеныш, как восполнение за себя, другой – за папу, и третий – для прироста населения. Поскольку с кандидатами в нормальные отцы семейства на просторах необъятной родины лично мне не повезло, программу по естественной прибыли населения я благополучно завалила, отделившись единственным чадом. Да и то уже совсем не розовощекое, а скорее не бритое и порой подозрительно сумрачное по утрам. В общем, и непьющий муж, и розовощекие киндеры, как попутчики для путешествия, отпадают за неимением таковых.

Животные есть. И даже в ассортименте. Но достаточно вспомнить недавнюю поездку к ветеринару с полосатым котом Васей! Вася кастрацию перенес легче, чем дорогу. И я тоже, кстати. Пока его лишали симпатичных причиндалов, выросших под хвостом, я дышала свежим

воздухом, и не слышала Васиных стенаний по этому трагическому поводу. А вот когда я его еще только везла к доктору...

Лучше это упустить из повествования, поскольку Вася не только орал, как свинья под ножом. Он метался по салону, как дикий зверь, и я боялась, что ненароком он заберется под педаль тормоза, и тогда в нужный момент я либо задавлю Васю этой педалью, либо не смогу затормозить.

Но и это еще не все.

Исстрадавшись до потери голоса и пульса, Вася справил свою большую естественную надобность на заднем сиденье, отчего в машине зверски воняло сначала его экскрементами, потом моими духами, и под конец – освежителем воздуха «Сосна», потому что любимый «Кензо» перебить эту заразу не мог. В общем и целом, запах был еще тот.

И надо же было такому случиться, что в этот момент меня остановил сотрудник ГИБДД. Чтобы Вася не вынырнул в окно, стекло я опустила ровно на два сантиметра, и сквозь эту щель подала ему документы. Инспектор, видимо, очень удивился, какого это рожна я в жару ежусь с закрытыми окнами, потом принял, потом приложился носом к щели, а оттуда сосной напополам с «Кензо» и Васиным дерьмом на него пахло так, что он козырнул мне, и предложил выйти из машины.

Я вышла, вернее, выскользнула, быстро захлопнув дверь, чтобы Вася не просочился на волю, и долго доказывала, что я трезвая, и ничем не перебивала запах алкоголя, а заглушала, чем могла, Васину неожиданность.

После этого я думала, что просто убью его. Спасло Васю то, что он принялся очень жалобно мяукать, почти плакать, от жары и ужаса. После этого я дала себе слово больше никогда и никуда кота не возить без особой нужды.

Значит, животные в путешествие тоже не едут. Слишком много хлопот. Пусть сидят на лоджии и ждут моего возвращения. Впрочем, еще никто никуда и не едет. Так, мечтается только.

В мечтах этих мне всегда казалось совершеннейшим счастьем сесть рано утром в Петербурге в свой домик на колесах, вырулить на московскую трассу, и погнать к югу, останавливаясь на пути для того, чтобы перекусить в придорожных кафешках, поинтересоваться ценами на грибы и ягоды у местных, не очень трезвых, жителей, и с каждым часом приближаться к теплему морю. А потом разбить палатку где-нибудь на южном берегу в десятке метров от пляжа, просыпаться под шум прибоя, любоваться закатами и восходами, и никуда не спешить, наслаждаясь солнечным югом. Короче, отдыхать.

Лирика все это.

Когда же я начинала думать о том, сколько денег уйдет при этом на бензин, что может с машиной и со мной случиться в пути, даже если это не ДТП, а простая поломка, энтузиазма у меня заметно убавлялось. Но мечта-то при этом так и оставалась мечтой. Не несбыточной, но весьма далекой.

А минувшим летом я в отпуск вообще не собиралась. Думала, вот доживу до промозглой осени, и на зависть коллегам и друзьям закачусь куда-нибудь в теплый Египет или в Тунис. Ну, не на машине, конечно, но тоже очень не плохо. И обязательно осенью, так как летом и у нас в Питере мне очень хорошо отдыхается. Особенно, если с погодой повезет.

Но лета не было. Вернее, было, но я в этот день работала. А посему, измученная дождями и отсутствием солнышка, я начала подумывать о том, что не плохо было бы сделать маленький отпуск где-нибудь в августе-сентябре. Вот тут-то мечта эта давняя, взращенная уже до мечты, снова замаячила на горизонте.

Ну, а что бы и в самом деле не рвануть к морю на своих колесах? Нет, не в одиночку, конечно, с взрослым ребенком, у которого стаж водительский уже достаточно серьезный – больше, чем у меня! – и который не только может вести машинку, но и починить ее, приключись с ней какая хвороба.

Машинка-трехлетка в городе не огорчала совсем: изредка лампочки перегорали в фарах – вот и все «болячки». Только масло меняй вовремя и бензин заливай. Правда, два года назад авто побывало в ДТП, где ему (и мне!) изрядно помяли бока. Но отремонтировали по страховке нормально. Во всяком случае, после большого ремонта, когда были доведены до ума все мелкие недоделки, выявившиеся в процессе пост-ремонтной эксплуатации, машинка исправно бегала по городу и дачным пригородам – я уезжала на ней к подруге на дачу за двести «км» от Питера.

Но двести «км» – это не две тысячи! И это я очень хорошо понимала. Поэтому очень осторожно заикнулась о том, что «наверное... может быть... предполагаю...», что соберусь ближе к осени на юг на своих колесах. На меня скептики зашикали, дескать, куда ты на такой малюсенькой машинке?!!

Да, я забыла сказать, что езжу на самом крошечном автомобильчике – эксплуатирую в условиях мегаполиса ДЭУшку Матиз. И в условиях не мегаполиса его же. Малыш литровый, от своих более ранних собратьев отличается чуть большим объемом двигателя и еще «фамилией» – Бэст. Ну, надо полагать, «лучший».

Машинка для города просто универсальная. Бегает быстро, экономична, на дороге мобильна, на парковке влезет в любую щель. Как-то появились мы с моим Мотькой – это имя такое у машинки в домашнем обиходе, – в ангаре у мужиков, которые готовят к соревнованиям разные раллийные машины. Мотьку там обследовали перед дальней дорогой, колеса ему покрутили, «сердечко» послушали. «Здоров!» – сказали и махнули на выход – «Вперед!», дескать, не до вас тут.

Задом выезжать, скажу я вам, это не женское дело. Нет, я, конечно, могу и задом! Но по-человечески оно лучше передом. И вот на глазах у изумленной публики, Мотька в три приема прямо в ангаре развернулся мордой на выход, и спокойно выехал. Да еще при этом я не забывала поворотники включать, показывая, куда еду.

Ржали автокулибины так, что любопытные с улицы заглядывали. А мы с Мотькой только улыбались. Ну, а что выделываться и класс не нужный никому показывать?!

Так вот, на юг я естественно собралась ехать на Мотьке, поскольку никакого другого авто у меня не имеется. И пока все это было лишь теоретически, на словах, я только слегка огрызалась и рассказывала, как ездила на нем в Псковскую губернию. Да еще один веский аргумент был у меня: чай, не одна еду, а считай со своим автомехаником. Ну, а то, что машинка маленькая, так не страшно. Ну, не коньки же роликовые?! И не велосипед. Хоть и маленькая, но машина.

И чтобы больше козырных карт в пользу Мотьки собрать, стала ежевечерне шерстить Интернет в поисках информации на тему «на Матизе в Крым». Не могу сказать, что было ее много, но из того, что удалось выловить, я сделала выводы: матизоводы в Крым на своих маленьких железных «лошадках» ездят, и ездят весьма успешно. И окрыленная этими сведениями, я стала серьезно готовиться в дорогу.

Главное было – это уговорить маму, чтобы ей и в голову не пришло переживать и дергаться. Рассказывала ей регулярно о том, что автолюбитель и в городе ежеминутно подвергается опасности, и не меньшей, чем на трассе. В ответ на это мама моя сокрушенно качала головой и говорила, что вот хорошо бы, чтоб не одним ехать по дороге, а компанией, и хорошо бы, чтоб семейные пары. Наивная мама даже предлагала поискать попутчиков в Интернете. И объяснить ей, что сие невозможно, было никак! Лишь одно ее успокаивало: то, что мы вдвоем с сыном едем. Правда, мне день ото дня все больше казалось, что у сына великовозрастного

планы на отпуск могут в любой момент резко измениться. И тут я, что называется, как в воду смотрела: за три дня до предполагаемого отъезда дитяtko объявило мне, что с работой у него затык полный, стало быть «маманя, ничего не бойся, ты у нас женщина сильная...»

Вот дать бы в глаз, чтоб так впредь не делало дитя, так поздно уже воспитывать, и, как в анекдоте, «мальчик большой, аборт делать поздно...»

Мне ни на минуту мысль не приходила в голову отступить от этой затеи под предлогом того, что сын не может компанию составить. Тут было все: и неудобство перед всеми теми, кому я все уши прожужжала о путешествии, и желание осуществить, наконец-то, мечту, к которой впервые за все это время я подобралась так близко, и – самое главное, самой себе доказать, что могу. «Тварь я дрожащая или где? Или кто? Или, все-таки, как?!» – вспомнила я к месту русскую литературу.

«Еду! Одна! И фиг с ними со всеми...» Не знаю, кому как, а мне в любом деле главное – это определиться, принять решение. И тут у меня все начинает переть, как по-писанному.

Маму просто поставила перед фактом – еду одна. Да и ничего страшного в этом! «Я в городе ежедневно на дороге рискую. Буду отзваниваться регулярно, да и вы тут в любое время можете набрать мой номер и услышать голос».

Мама от этой новости потеряла дар речи, полчаса она беззвучно открывала и закрывала рот, как рыба. Вставить слово я ей не давала, трещала без умолку о том, что мне рассказали, «только-только приехавшие оттуда», что дорога прекрасная, спокойная, ехать одно удовольствие. Сочинять мне не привыкать. И мама, так и не вставившая своего родительского «Не пуцу!», смирилась, как Вася, которого без его желания отвезли на кастрацию.

Маме крыть было нечем, оставалось только молиться за здоровье мое и Мотькино, чем она и занималась три недели кряду, как стало мне известно по возвращении. И из этой фразы уже понятно, что путешествие состоялось, и я вернулась домой благополучно. Впрочем, не буду забегать вперед. Я вот даже дневник завела – записывать в него все самое интересное, чтоб не забыть!

И так, решение принято, родственники благополучно утоптаны, подарки южным дядьке с теткой и двоюродным сестрицам и брательникам закуплены. Да, я забыла сказать, что еду не просто отдохнуть в Крым, а еще и увидеться с моими севастопольскими родственниками, коих посещаю регулярно. Они, конечно, от известия, что я еду не поездом, а на своих колесах, стояли, что называется, на ушах. Дядька в один голос с маманей поначалу рычал в трубку телефона:

– Не выдумывай! У тебя что, денег нет на билеты?! Так я пришлю!

И все мои аргументы про мечту дядька «блажью» назвал. Спасибо тете! Она по характеру мне не уступает, такая же безумная оптимистка. У нее даже профессия мужская. Она морячка в недавнем прошлом. За спиной – три кругосветки на научном судне, и сам этот факт позволяет ей в любом кабаке любого порта мира положить ноги на стол. Ну, так говорят про моряков, которые шарик земной хоть раз обогнули. Тетя Бася – вообще-то она Ася, но по-домашнему – Бася, – своей такой привилегией, конечно, не пользуется, потому что дама солидная. Но дух авантюрный сохранила и дяде спокойно заявила:

– Если девочка хочет на машине – пусть едет! И чего бояться?!

Тут тетя загнула поговорку, про волков которых, ежели бояться, то в лесу ничем запретным не заниматься. Ну, в смысле, сексом! От поговорки самодельной дядя мой чуть в обморок не упал, хоть и привык к тетиному морскому «с солью», юмору.

«Девочка» – это я! И я ничего ровным счетом не боюсь! Все самое страшное в моей жизни уже было. Все-все. Если в пути будет время, я об этом расскажу. И этот «одобрямс!» моих

южных родственников совсем убедил мою заполошную маму, которая, наконец, успокоилась и перестала кудахтать поминутно «Ну, куда-куда-куда ты едешь в такую даль одна?»!

Утром в день отъезда набиваем Мотькино брюхо под самую завязку сумками и чемоданами. В багажник входит только ящик с инструментами, канистра под бензин, четырехлитровая бутылка масла – его как раз в пути менять придется, ну, и разная мелочевка – тряпки, воронка, аптечка, огнетушитель, домкрат, две пары перчаток, запаска на ее штатном месте. И все! Такой вот багажник! 50 литров – никак не для далекого путешествия к морю. Но все же не роликовые коньки! И даже не мотоцикл! Впрочем, у хозяев и тех и других своя нежная любовь к колесам и колесикам.

Никаких страстных поцелуев на прощание, чтоб слез не лили. «Пока! Звоните! Не скучайте!...»

Пристраиваю новенький навигатор на лобовом стекле, задаю в нем первую точку маршрута – научилась все-таки за два дня тренировок!, – и плавно трогаюсь.

Да, забыла про самое главное в этой удивительной истории: уезжая, я оставила записку в одном из почтовых ящиков в нашей парадной. Записка была адресована Ему – Мужчине Моей Мечты...

* * *

Всю свою сознательную жизнь Марина Андреева недоумевала: ну, почему так странно и не справедливо устроен мир? Если мужчине нравится женщина, то он делает шаг и знакомится с нею, а вот если женщине очень нравится мужчина, то она может только кокетничать, стрелять глазками, показывать, что не прочь познакомиться, но ни-ни дальше этого! Исключения не берем, так как есть мужчины, которые провздыхают всю жизнь возле предмета своего обожания, да так и не решатся даже телефончик попросить. И есть дамы, которые легко пристроят хомут супружества на шее своего избранника, и не успеет жертва очухаться, как окажется у алтаря с обручальным кольцом на пальчике.

Иногда Марина даже завидовала таким решительным барышням, которые умудряются легко знакомиться с мужчинами, хотя в глубине души была уверена, что любовь нельзя искать, нельзя форсировать, гнать, отбивать и добиваться. Здесь должен быть непременно элемент случайности, потому что это чудо. А чудо запланированным не бывает. Правда, «чудо» порой по чьей-то злой воле является в образе парнокопытного животного с рогами, потому как народная мудрость гласит: любовь зла, и далее по тексту...

Как говорила Маринина бабушка, это даже не чудо, а расчудье! И даже такого чуда-расчудья можно прождать всю жизнь, а оно так и не появится. Или можно еще придумать себе любовь, которая по прошествии небольшого времени обернется жуткой ненавистью. К самой себе в первую очередь. Еще вчера внутри все пицало и рвалось на волю, так, что приходилось себя за руки держать и говорить себе: «Марина! Будь благоразумной! Все проходит, пройдет и это!».

И ведь права была! Проходило и это. То ли обростало все ракушками привычек, то ли ускользало чудо, словно рыбка, из рук. И тогда понимала, что не любовь и была. Вернее, так – Нелюбовь. А с нелюбовью она не хотела мириться. Ей с ее мыслями – мечтами о своем мужчине – всегда было лучше, нежели с тем, кто в мечту не вписался.

Ну, да и Бог с ними, с невписавшимися!

А этой весной Марине вдруг приглянулся сосед по дому. Как-то раньше она его совсем не замечала. А может, раньше он и не жил тут. Дом большой! Кто его знает, кто тут живет, кто снимает квартиру, а кто просто в гости ходит. И вдруг по весне Марина стала сталкиваться с соседом чуть не каждый день, и успела его рассмотреть. И, надо же было такому случиться,

что он ей понравился. Чем – она и сама не понимала. Внешне – почти никакой. Даже больше: бирюк – бирюком. Не низок, не высок – среднего роста. Не брюнет и не блондин – серенький такой. Плечи, правда, широкие, и от этого он был весь какой-то квадратный. И голова какая-то квадратная. Прямо в кубистском стиле Пикассо и Малевича! Сосед отличался своей нелюдимостью. Правда, с Мариной он по-соседски раскланивался весьма приветливо. Но чаще она встречала его каким-то задумчивым, как будто его глаза не на людей смотрели, а куда-то внутрь себя.

Вот когда она на него обратила внимание, тут и стала задумываться о жестокой несправедливости, дарованной женщине самой природой – скромной быть и не знакомиться первой. «Ну, почему так?» – Рассуждала Марина Валерьевна, женщина рассудительная и серьезная, столкнувшись в очередной раз с соседом на лестнице. Он ходил пешком на свой третий этаж, потому что лифт ждать дольше. А она ходила пешком на свой четырнадцатый – зарядки для и для того, чтоб встретить его. Правда, иногда, минуя его третий, и не встретив предмет своего обожания, Марина, плюнув на стройность фигуры, и полезность процедуры, вызывала лифт, и ехала под самую крышу. Что, издеваться над собой, что ли, если он даже не замечает ее?!

Как-то во дворе Марина случайно разговорилась с соседкой, которая сажала цветочки на общественной клумбе. И случилось, что мимо проходил Он. Все трое раскланялись. Соседка участливо спросила:

– Михал Иваныч, а вы не приболели? Что-то давненько вас не видимши?!

«Псковская, по всему видать, соседка», – отметила Марина про себя не питерский выговор, а сама ловила каждое слово, сказанное «Михал Иванычем». Он, правда, оказался совсем немногословным. Сказал, что просто был в командировке. На Марину глянул лишь исподлобья, кивнул, как всегда, раскланялся, и пошагал к дому. А она, пользуясь случаем, аккуратно стала выведывать у вовремя взявшейся за сельхозработы тетки-соседки, кто да что, этот самый Михал Иваныч.

– Он в милиции работает, то ли участковым, то ли следователем, но в форме не ходит. Не семейный. То ли вдовый, то ли разведенный – точно не знаю. Вроде, бездетный, а может и есть кто. Но в доме живет один, в однокомнатной квартире, на третьем этаже. А может и не один, но во дворе завсегда один!

Ох, уж эти тетки-соседки: слышат звон, да не знают, где он! Вокруг да около, а толком – ничего. У тетки все было «то ли – то ли», а не точно. Но две главные вещи Марина все же узнала – имя и место работы. Приятно было думать, что «Мужчина Моей Мечты» наконец-то обрел имя, тоже на букву «М», кстати, как и у нее! И работа его Марине Андреевой весьма пришлась по душе. Нравились ей мужчины с такими мужскими профессиями.

Правда, эти знания ей ничего абсолютно не дали. Михал Иваныч, которого она назвала для простоты и удобства Мишаней, все так же был далек, и не проявлял никакой заинтересованности к ее соседской персоне. А может, и проявлял, да не показывал. Хотя, она бы непременно почувствовала, если б проявлял...

Вот тут-то Марина Валерьевна и задумалась в первый раз над тем, почему же так несправедливо все?! Потому что, будь она мужчиной, она бы давно уже с ним познакомилась.

Она даже думала повернуть такую штуку. Придумать повод, да и постучаться к нему в его холостяцкую нору. Вот только повода она никак не могла найти. Подруга Сашка усмехнулась, и сказала:

– Вот тоже мне проблема! Иди и попроси его дырку в стенке просверлить! А потом, когда он просверлит, ты ему кофе предложи, ну, в знак благодарности. Не деньги же давать соседу!

Дырку в стенке – это круто! Правда, все дырки в стенках у Марины давным-давно просверлены: сынок-то хоть и оболтус, но руки у него в том месте, в каком надо, и маманину квартиру он до ума давно довел. Правда, можно бы прикупить какую-нибудь картинку на стенку, и под нее провертеть дырочку, но...

Но как-то все это было не так. А ну, как окажется этот Михал Иваныч букой милицейским, у которого кроме протоколов в голове ничего нет? Или не умеет он совсем дырки в стенках вертеть? Или просто спросит, какого рожна она к нему-то приперлась? Что тогда говорить? Нет. Все это не катило. Искусственно как-то было. И страшно. А ну как сорвется? Второй раз она уж точно не посмеет к нему обратиться ни с чем, даже если ей будет нужен его совет, как специалиста из правоохранительных органов. Нет, надо сочинить что-то более симпатичное. А что – она так и не могла придумать.

А в день отъезда в Крым ей в голову пришла совершенно шальная мысль – написать ему письмо и бросить в почтовый ящик, что она и сделала.

«Если бы я была мужчиной, а вы – женщиной, то я давно бы с вами познакомилась. Но поскольку все наоборот, то мне приходится, как в XIX веке, краснея и бледнея, высунув кончик языка, гусиным пером царапать бумагу, выписывая старые пушкинские строчки: „Я к вам пишу, чего же боле...“ И если мне удалось вас заинтересовать – звоните».

И номер телефона мобильного своего тоже написала. Потом выдрала листок из тетрадки, свернула вдвое, и, уходя из дома, воровато опустила его в ящик. Щеки у нее пылали, как у тургеневской барышни, а кровь стучала в голове. Было страшно и стыдно, как будто что-то украла. Но она решила так: получит Мишаня письмо, прочтает. Наверняка заинтересуется, и, скорее всего, позвонит. И тогда по тону, по разговору она поймет, стоит ли ей раскрываться. Не услышит в голосе приветливости и заинтересованности, так можно и не рассекречиваться. А если эта милицейская душа как-то узнает, кому номер телефона принадлежит, так можно в дурочку сыграть, мол, подшутил кто-то. «Я?! Что вы! Как я могу?!» В общем, есть варианты отступления.

И так, долгие проводы – лишние слезы. Маме – поцелуй, ребенку – второй. До свидания, родные! До скорого!

– Не заблудись там! – чуть не плача, пропищала напоследок мама.

– Не заблудится! Она ж с навигатором! – слишком бодро возразил сынок, и за этой его показной бодростью Марина уловила, что детеныш переживает за свою «маман», и испытывает чувство неудобства за то, что так прокатил ее с компанией.

Марина на него глянула строго. Хорошо было б уши ему надрать за то, что подвел с отпуском. А с другой стороны – так-то оно еще интереснее. Не пропадет! Не из такого вылезала...

Навигатор Марине посоветовал купить незнакомец Дима из инета, с коим она разговорила на предмет предстоящего путешествия. «Спасибо Вам огромное, Дима! Без навигатора я вернулась бы в родные края в лучшем случае к Новому году, выкатав по просторам необъятной родины и сопредельных государств немыслимое количество денежных знаков в топливном эквиваленте!»

Даже с навигатором ее иногда заносило, что называется, не в ту степь. Хотя приборчик Марине Андреевой достался на редкость умный и грамотный. Карты России он читал отлично. Они в нем были уже загружены. А «глобус Украины» ей по ее просьбе за отдельную, не очень большую, плату закачали при покупке прибора прямо в магазине. Этот самый «глобус» прописан был латинницей, и оттого при пробной настройке навигатора Марина едва

ногти не обломала, безрезультатно вводя название столицы Украины. Слово из четырех букв по «не нашей мове» пишется весьма замысловато, как и все прочее.

А еще на территории Украины навигатор опаздывал на несколько метров, в результате чего она благополучно проскакивала нужный поворот, после чего электронная девушка Маша – так в инструкции значилось, Машей звали ту, что пряталась за картами навигатора, – голосом без эмоций выдавала «изменение маршрута» и посылала Марину в обход, в объезд, и на сотню километров вперед. А Марина посылала эту нерасторопную электронную Машу так далеко, что если б ее в этот момент слышал Мужчина Моей Мечты, то... Словом, лучше б ему этого не слышать.

Местами на территории Украины навигатор просто отказывался читать карту или безбожно врал, путая путешественницу так, что она чуть не наизусть выучила некоторые населенные пункты и могла уже с закрытыми глазами проехать по городам Донецк – именно так, не иначе, как с мягким знаком, – Мариуполь и Симферополь. Но об этом позже. Пока что до той Украины еще надо было доехать.

Почему-то несколько первых десятков километров Марина испытывала жуткий мандраж, даже руки тряслись, отчего она вцеплялась ими в руль, как дрессированная обезьяна. Если учесть, что за плечами у нее было уже пять лет водительского стажа и опыт, приобретенный на дорогах огромного мегаполиса, то это было странновато.

Ближе к Пскову мандраж прошел. К тому же нудный питерский дождик за Лугой внезапно закончился, и выглянуло осеннее, еще теплое, солнышко. Выезжать в путешествие в дождь – на счастье, но вот ехать лучше без дождя. И позитивные изменения прогноза погоды ее очень радовали.

Через Псков Марину понесло неспроста, а из большой трусости. Оптимальный маршрут в Крым из Петербурга, разумеется, проложен был через Москву. Кусочек по МКАДу со съездом на трассу М2 – «Симферопольское шоссе», по европейской классификации E105. Но она так боялась этого МКАДа и Москвы, что вариант этот даже не рассматривала.

Зато рассматривала еще одну дорогу, которая из Пскова уводила в Беларусь, проходила через эту бывшую братскую республику Союза, далее огибала Киев, и вниз по карте до Одессы, откуда берегом моря прямехонько в Крым.

Была мысль у Марины проехать этим маршрутом, погулять по киевскому «Хрещатику», но тогда она никак не попадала в гости к своей подруге, Наташке Стрелковой, которая с нетерпением ждала ее в Донецке. Так что, исходя из этих условий, путь оставался один – через Псков на Смоленск.

Еще до отъезда Марина перелопатила интернет, и нашла немало сообщений автолюбителей, которые опробовали этот маршрут. Был он хоть и более протяженный, но зато вдали от кремлевской стены и столичных дорог, которых он боялась, как огня. Потому и вырулила из Питера не по Московскому шоссе, а по Киевскому, и через несколько часов добралась до первого большого пункта маршрута – Пскова.

План первого дня пути – засветло добраться до Смоленска, Марина наметила еще дома. Поэтому, чтобы уложиться в световой день, она давила на педаль газа, и без остановки пролетала маленькие поселки и города. Псков – Остров – Опочка – Пустошка – Невель – Усвяты – Велиж – Демидов – Смоленск. Когда дома прокладывала маршрут, эти среднерусские названия нагоняли на нее тоску, и мысль страшная не отпускала. Мысль была о том, что по таким местам не может проходить нормальная дорога.

Оказалось, она ошибалась. Дорога как дорога, видали и хуже. В одном месте, кстати, даже платное шоссе встретилось, о чем в полный рост сообщил указатель на обочине. Правда, Марина так и не поняла, чем тот участок дороги оказался лучше остальных?! Никакой логики!

Если уж в конце участка берут деньги за проезд, то должен же он как-то отличаться от всей остальной дороги в лучшую сторону?!

Должен-то он должен, наверное, но... он не отличался. Ничем! Правда, и стоило это не так дорого, каких-то две сотни рублей. В конце этого платного участка дороги красовался полосатый шлагбаум и будочка.

Марина долго ждала, а шлагбаум все не поднимался. Наконец, из будки вышел пацан, лениво подошел к машине, и промычал невразумительно:

– Тут, типа выйти надо, и оплатить дорогу...

– Молодой человек! Вы шлагбаум откройте, я до кассы доеду и расплачусь. Что зря-то топтаться?! Не убегу же я... – Марина и в самом деле не видела причины в такой строгости.

– Вообще-то не положено... – парень покосился на машину, просчитывая в уме, рванет водитель за шлагбаумом мимо кассы, или честно остановится и оплатит проезд. Марина по лицу его видела, как борется в нем желание пропустить тетеньку и сомнение в ее порядочности.

Наконец, она оборвала его сомнения:

– Молодой человек! Ну, неужели вы думаете, что я сбегу, не заплатив?

Марина мило улыбнулась. Парень тоже улыбнулся ей и лениво отчалил открывать шлагбаум. «Ну, вот, кто там в сказке отражению в воде-то улыбался? Не много надо, чтобы тебе поверили», – Марина мягко затормозила возле будки.

Из окошечка высунулась строгая девица, накрашенная куда больше, чем нужно для скромной должности кассира. Или она была директором пропускного пункта?! Ну, в общем, парня она отчитала по полной программе, указав ему на то, что правила для всех одинаковы, и для него в том числе, если он, конечно, работать хочет, а не хочет вылететь ко всем чертям.

Парень беззлобно огрызнулся в ответ. А Марина, не выходя из машины, передала ему плату за проезд, и квитанции дожидаться не стала, поехала.

Машин на этой малооживленной трассе было не так много. Кое-где приходилось подолгу ехать в гордом одиночестве: никто не обгонял, и никто не попадался навстречу. Ей даже тревожно было. Но навигатор четко показывал маршрут и его крайнюю точку – Смоленск, и указатели на обочине дороги тоже нет-нет, да и выдавали информацию, говорящую о том, что она на правильном пути.

Но как не рассчитывала время, к Смоленску Марина все-таки подъезжала в кромешной темноте. Есть водители, которые предпочитают ночную езду дневной. Она в это число не входила, так как с наступлением сумерек испытывала страшный дискомфорт. Это состояние Марина называла «куриной слепотой». Обочин практически не видела, и могла переть напролом, заскребая колесами бордюр на дороге.

Да еще у Мотьки был один дефект: малыш «подслеповат» от рождения был, в том смысле, что фары у него какие-то не такие. Марина видела, как другие машины освещают перед собой дорогу, и завидовала: Мотька так не мог. При этом она, будучи вежливым водителем, видя вдалеке фары, переключала свет с дальнего на ближний, а сама слепла от проезжающих мимо. И материла их в полный рост – не переключают, гады! Так, во всяком случае, ей казалось!

Одного – в темноте не очень поняла – кого! – Марина решила проучить, и показала ему, что он ее ослепляет: включила на секунду дальний свет. Он все понял. И так засветил ей в ответ, что она чуть с дороги не слетела. Это у него, оказывается, ближний был, такой ослепительный. Вот это светит так светит! С таким светом можно в любой тьме двигаться как днем,

не то, что с Мотькиным! Поэтому ни о какой ночной езде и речи быть не могло. Да и невозможно ехать в одно лицо двадцать четыре часа в сутки! Поэтому великая путешественница заранее определилась: ехать только в светлое время, а на ночь останавливаться на ночлег.

Вот и упирались они с Мотькой изо всех лошадиных и человеческих сил, чтобы засветло попасть в Смоленск, но не успели до захода солнца. По ее подсчетам, еще было километров 70 до города, когда ночь навалилась чернее-черного, и она ехала уже практически на ощупь, но при этом со скоростью не менее 100 км в час.

...Автомобиль с поднятым капотом и открытым багажником Марина увидела издали, и голосующих тоже. Показалось, что отчаянно машут ей мужчина и женщина. Слегка проскочила и стала тормозить. В тот момент она даже не думала о том, что в темноте, на пустой дороге это может быть опасно. Просто в голове было одно: у людей проблемы, им нужна помощь, а тут она, такая вот вся из себя миротворец, потому и тормознула.

Подбежал парень.

– Девушка!

Здорово-то как! Все еще «девушка»!!!

– Девушка! Обсохли! Дотащите полтора километра до заправки?!

Ну, братцы мои! Какое «дотащите»?! Мы же есть маленький Мотька! Мы так не можем! А вот бензинчику плеснем!

– А у Вас можно это...? Оттуда? – парень показал на бензобак.

– Оттуда – нельзя, а вот канистра полная имеется.

– А воронка?

– И воронка.

Парень радостно заорал, чтобы «Генка тащил бутылку», и тут Марина поняла, что на дороге не мужчина и женщина, а два мужика ей повстречались. Поджилки слегка дрогнули и затряслись. Потом уже думала, чего ж она так испугалась-то? Ну, не изнасилования – это точно. Чай, не барышня кисейная, не испугаешь. Да и не девица на выданье, а солидная тетя. Какое уж тут изнасилование, м-да...

Наверное, боялась разбойников, которые ведь запросто могут без кошелька оставить. А она еще, как дура, все яйца в одной корзине держать привыкла. В смысле, все деньги в одном месте...

В общем, наливают они бензин из канистры в пластиковую бутылку, лясы точат радостно, а «девушка» Марина Валерьевна Андреева зубами танец с саблями выстукивает, ждет, когда кошелек отнимать начнут.

Тут еще как назло, в голову ей фраза Маргадона из любимого кино лезет: «Я всё понял, Жакоб, все пришельцы в Россию будут гибнуть под Смоленском...» Тьфу, провались ты, товарищ Маргадон, куда подальше!

– Куда это Вы одна едете? – спросил вдруг парень, что бутылку под носиком канистры держал.

Ей бы соврать чего-нибудь, типа, «да, не одна я, муж – спецназовец-мент-бандит-боец невидимого фронта в одном флаконе шаз сюда подъедет», чтоб парни мыслей каких дурных в головах не держали, а она проблеяла, как честная овца:

– В Крым...

– В Крым? Одна? На Матизе??? Ну, Вы – отчаянная женщина...

– Не на роликах же! – Пискнула Марина в ответ, чтобы показать: шучу, значит, ни хрена не боюсь, но получилось не убедительно.

– А мы уже час прыгаем тут, и машины даже с мужиками не останавливаются. Боятся все. А вы – смелая такая!

«Ага! «Смелая!», – подумала она про себя. – Жаль, памперса нет у этой «смелой! В самую бы пору пригодились!» А вслух сказала:

– Да я вас тоже боюсь, но увидела, что бедствие терпите – как не остановиться...

И это правда. Это искренне. А искренность, как известно, подкупает. В общем, и кошелек при ней остался, и такая эйфория на нее навалилась из-за проявленной доброты да щедрости пополам со смелостью, что Марина не помнила – как, но дорулила легко до Смоленска, и где-то на окраине города нашла мотель «Интурист», номер в котором с завтраком стоил 1200 рублей. И был душ с горячей водой, и телевизор, который пробубнил до утра, так как она вырубилась моментом, и руки, скрюченные усталостью, как кури лапы из морозилки – это тоже как раз там и было.

Утром оказалось, что спала она с открытой в номер дверь. Ну, что за беспечность?!

«... – Маргадон, почему открыта дверь?

– Excuse me, магистр!

– Что, «excuse me»?

– Варварский обычай: ключи раздают, а замков нет...»

Замок был, и ключ она в него вставила, а вот проверить – или не получилось лапами куриными, или забыла...

А потом был завтрак с яичницей и кофе с молоком, и, настроив навигатор на следующий пункт назначения – город Рославль, Марина Андреева двинулась в путь.

«Если когда-нибудь, в палате лордов мне зададут вопрос: „Зачем, принц, Вы столько времени торчали под Смоленском?“ – я не буду знать, что ответить». Это очередная цитата тут как нельзя к месту. Потому что объяснить кому-то, как во время путешествия в Крым Марина под Смоленском солила грибы, достаточно трудно.

На самом деле все было просто. Сразу за Псковом пошли по трассе грибные места. Да такие, что торговцы почти друг на друге вдоль дороги сидели, кучки грибов продавали. И видели б вы те «кучки»! Тут другое слово уместно – кучи! И грибы все, как на подбор. Упругие, словно резиновые – белые, суховатые ярко-красные – подберезовики, барашки желтые кудрявые – лисички, бахромистые в ниточку по краю – розовые пяточки волнушек, длинноногие подберезовики и черноголовники. И еще какие-то совершенно незнакомые ей псковские валуи – хрусткие кругляши и свиухи с гарькухами, которые она всегда за поганки принимала.

Марина трижды останавливалась полюбоваться грибами. Соблазн велик был купить для дядьки севастопольского – как гостинец с севера. Дядька Маринкин северянином был от роду, до армии жил на севере, потом на флот попал, на Северный. А потом как-то угораздило его в Севастополе служить, и так влюбился он в этот город белокаменный, что на северА свои любимые больше не вернулся. Только в гости.

Живя на Черном море, он скучал по другому морю, холодному. А еще больше – по лесам архангельским плесецко-каргопольским, в которых росли в изобилии грибы-ягоды. В Крыму таких было не найти. И год пустым считал дядька, если прошел он без вкуса гриба соленого. Поэтому, каждое лето Маринка с маманей и сыном шастала по питерским лесам, собирая грибы. Потом их солили, мариновали, морозили по рецептам бабушки. Получалось все равно не так, как на севере. Там у бабки, кроме рецепта, был еще какой-то секрет. Будто слово специальное знала, благодаря которому грибок получался хрусткий и нежный. Если уж волнушки, то в прозрачно-желтом желе, а грузди белые становились голубоватыми, с колючими иголочками в центре шляпки. Бабка вытаскивала их из банки большой ложкой, буквально отковыривая

друг от друга, так сцеплялись они в засолке. Она их еще сопливыми называла, но в этом слове не было ничего противного, а лишь умиление – точнее не скажешь! В желе прозрачном густом груздь архангельский зимует.

Зимой их хранили в кадушке в холодном сарае. И если хотелось «посолиться», то бабушка откалывала грибы топором. Приносила в дом большую грибную ледяную глыбу, размораживала. Процесс этот сопровождался медленным заполнением кухни удивительным грибным духом...

Да... О таких грибах в Питере можно было только мечтать. На севере, если уж шли в лес, то целенаправленно. За белыми, например, или за груздями. Это значило, что в этот день ничего другого и не брали. Зачем? К каждому грибу подход свой. Белый на жареху шел, на маринад и на сушку. К нему примешать какой другой гриб, значило все испортить. А соляники – это совсем другой процесс. Их вымачивать долго надо. В бочке.

Бочка уже с начала сезона заготовлена – у колонки на улице поселковой стоит, наполненная водой. Сначала, как ее прикатывают из сарая к водопроводной колонке и заливают водой, она начинает плакать: из всех щелей льется вода. Только заливай по новой.

Что интересно: у колонки бочек много. У кого-то еще плачет, у кого-то – уже отплакалась. Но любой, кто приходил за водой, считал своим долгом шланг направить во все бочки, чтоб не пустовали, а разбухали от воды, готовились к использованию. Глядишь, за неделю бочка дойдет до нужной кондиции, вот тут и за груздями или волнушками пора отправляться.

Замачивали грибы там же, у колонки. Чистили их еще в лесу, чтоб грязь домой не носить лишним весом. Ножки отрезали, шляпки мелкие целиком в засол, крупные – пополам резали или на четыре части. В корзине в итоге приносили только то, что шло в дело. Не заходя домой, шли прямо к колонке с водой, где мыли грибы в корзине, словно в решете. Потом засыпали их в бочку, свежей водой заливали, и оставляли там же. И не надо было переживать, что кто-то у кого-то грузди украдет или волнушки. Никто этим не промышлял.

В городе Петербурге тихая грибная охота на деревенскую не похожа. Во-первых, надо было уезжать к черту на рога, чтобы хоть что-то насобирать. И то не факт. Иной раз случалось уехать за сотню километров, в места, где поблизости никакого жилья не было, а лес был полон шустрых старушек, которые шуршали палочками по кустам уже с рассвета, и Марине, прикатившей чуть не к обеду, приходилось гулять по обобрышам, надеясь на случайный трофей. Посему, питерский гриб дорого стоил.

Как-то в сезон Марина с маманей залезли в незнакомый лес. Сразу не повезло. Мало того, что было пусто в нем, так еще и начал кто-то неведомый их водить кругами. Вроде, идут по прямой, а три раза прошли мимо одного и того же пня. Решили от пня резко свернуть направо. Свернули. Через двадцать метров выбрались на пригорок, под которым протекала речка – воюющая и грязная. Сточные воды, видать, откуда-то. Через речку легкий мосточек из бревнышек и веток перекинут.

– Ну, что, рискнем?

– Рискнем...

Рискнули.

Маманя провалилась сразу же, одной ногой, но по самое не могу. Вытягивая ее из мутной чачи, Маринка умирала от хохота. Вонница на всю округу стояла такая, что словами не описать. Только вытянула, как маманя на ноге этой скользкой не удержалась, и завалилась на мостике, а, падая, сломала ноготь на пальце. Кровищи – как барана зарезали! Слезы из глаз, и рыдания на весь лес.

С горем пополам вылезли на пригорок. Палец с изуродованным ногтем Марина матери кое-как перевязала носовым платком, а вот с ногой намаялись. Штаны пришлось снимать,

и колготки, все это отжимать и снова напяливать на окоченевшую конечность. Вместо носка натянули на ногу полиэтиленовый мешок – для тепла. Потом посмеялись, отдохнули, и попросили у лесного батюшки, чтоб за страдания грибов послал.

– Не может быть, чтоб тут не было! – Мамаша Андреева была полна оптимизма. – Думается мне, что таких дураков, как мы – лезть за эту речку-говнотечку – не так много, стало быть, и грибы тут все наши. Ну, двинули!

И они двинули. Поднялись на косогор, и обомлели. Нет, грибов не увидели. Увидели, что находятся они на острове. Крошечном, как пятачок, а вокруг та самая речка-вонючка, и с другой стороны она еще шире, чем с той, с которой они пришли. Стало быть, и выход один: там же, где и вход.

Когда готовились переходить шаткий мостик в обратном направлении, Маринка наставляла мать:

– Ты не торопись. Прежде чем тяжесть всю перенести на бревнышко, опробуй его как следует, потрогай ногой. Я вперед пойду, ты – за мной. Ну, с Богом!

Но это был явно не их день. Сначала матушка Маринкина шла аккуратно, пробуя ногой каждую опору. Берег был уже близок, как она сделала шагок шире, чем надо было, затопталась, как курица на одном месте, и ступила ногой в жижу. Другой ногой.

На берегу они хохотали во весь голос, так как процесс раздевания до трусов пришлось повторить. Снова отжимали жутко пахнущие скользкие штаны, ногу в полиэтиленовый пакет, в сырой сапог...

– Ну, что, домой?

В корзинках перекачивалось по десятку мелких не то съедобных, не то поганок. Вот такие порой были грибные вылазки у них в Питере.

Поэтому от псковского изобилия у Марины дух перехватило. Вот бы дядьке довести такую красоту! Но как?!!

– Не думайте, красавица! Берите грибочки! Почти даром! И самые свежие. Час, как из лесу...

Продавец хвастался перед покупательницей боровиками, которые были словно игрушечные: ровненькие все, как один, крепкие, с небольшими, еще толком не развернувшимися шляпками, шариками насаженными на плотную желтоватую ножку.

– Да я б с радость, но...

– Боишься, что не довезешь, красавица? Тебе куда ехать-то?

– В Крым.

– В Крым?!! Далековато... Но, есть секрет. Ты, вон, крапивы на поляне нарви, ведро ею выстели, и грибы в крапиву. Мы так мясо без холодильника сохраняем не то, что грибы!

В общем, не удержалась, соблазнилась. Крапивы надрала, в ведро ее, а сверху грибы. Все удовольствие сто рублей. Дешевле – только даром. Другие продавцы увидели, что она покупку сделала, стали к своим корзинкам заманивать. Она б и рада была увезти все да по такой цене, но не в деньгах дело. Надо ведь продукт довести.

Всю дорогу она любовалась этой красотой лесной, на ночь в Смоленске оставила грибы в машине, чтоб им похолоднее было. А утром призадумалась. Да и грибы малость призадумались – по ним было видно, что до Севастополя им не доехать, тем более, с заездом в Донецк.

Выехав из Смоленска на нужную трассу, Марина в первой же деревне тормознула возле сельмага.

– Мне, пожалуйста, нож, большую тарелку, две бутылки питьевой воды, пачку крупной соли, перец и лаврушку! – Выпалила она продавщице.

– Странная покупка! – Улыбнулась та в ответ, подбирая товар на полках.

– Ничего странного, как раз все то, что нужно для засолки грибов!

– Грибы?! Где вы грибы взяли? У нас их в этом году и не было-то!

– Грибы из Псковской области, надо их как-то до Крыма довезти.

– Ну и ну! – Продавщица с сомнением посмотрела на странную покупательницу, посчитала стоимость покупки. – Впервые такое слышу, чтоб белые солили...

– А я и сама впервые такое слышу! Но варить негде, поэтому попробуем так!

Потом она отъехала немного от деревни, устроилась на пенёчке неподалеку от дороги. Грибы чуть-чуть почистила, поотрезала ножки от шляпок, плотно уложила в ведро, выбросив из него крапиву, пересыпала солью, добавила перец и лавровый лист, залила водой и придавила сверху тарелкой с камнем.

Если учесть походные условия, то сделано было все просто великолепно. Правда, ноль санитарии, но про ботулизм думать не хотелось. К тому же слово это страшное ей казалось каким-то выдуманным, и она ни разу не слышала, чтоб кто-то подцепил от грибов эту заразу.

Правда, ежегодно газеты пугали народ грибными отравлениями со смертельным исходом, но это ведь касалось тех случаев, когда в хорошие грибы пробирались гнусные поганки, а у нее белые настоящие – сомнений в них не было.

Ведерко с соленьем Марина пристроила поближе к себе – перед пассажирским сиденьем. Чтобы визуально контролировать процесс. Часа через два, когда солнышко запекло не по-осеннему жарко, грибочки начали пускать пузыри. Марина попробовала рассол.

– Соли маловато!

Кинула на глазок соли, размешала палочкой. Снова пробу сняла.

– Уже лучше! На этом и остановимся.

Видимо, соли грибам и в самом деле стало достаточно, так как пузыри пускать они перестали, а еще через пару часов в салоне оглушительно запахло осенним бабкиным рассолом.

– Хоть закусывай! – посмеялась Марина.

Мандраж, который одолел ее в самом начале пути, давным-давно прошел, на смену ему пришло хорошее настроение, которое подогревалось почти южным солнышком.

– Щаз спую! – Весело прорычала Марина, прибавив громкости в магнитоле, и вдавила посильнее в пол педаль газа.

Дорога радовала. Транспорта не так много, как это было на выезде из Питера. Никто никого не торопит, к обочине не жмет. На Мотьку проезжающие смотрят с уважением. Он, кстати, не так прост, Маришкин Мотыка. Он такой нарядный, что просто глаз не отвести. Рукастая она, Марина Валерьевна, по жизни. Машинку ей давно хотелось как-то украсить. Хорошо бы расписать хоть под хохлому, что ли! Но... Дорогостоящая аэрография. И она изобрела свой способ украшения автомобиля. Нового в нем ничего – техника аппликации давно известна. Главное достоинство ее в том, что все было ею сделано в единственном экземпляре. Два дня работы и по бронзовому тельцу Мотыки проросла изумрудная травка с ромашками, на которых пристроились ярко-красные в черных конопушках божьи коровки. И на капоте летящий на цветы жук. В общем и целом – красота нечеловеческая! Марину на таком Мотыке

даже на улицах фотографировали из проезжающих мимо машин, а пешеходы в восторге показывали на нее пальцем.

Кроме выпендрежа, было во всем этом рациональное зерно: машинка на дороге была заметной, а значит – более безопасно можно на ней передвигаться. Может быть, все это она себе просто придумала, но с этим ей жить стало веселее.

И погода радовала. Все-таки, более тысячи километров от Питера – это уже совсем не север! Солнышко светило во все лопатки, и ветер врвался в открытые мотылькины окна, и запах у этого ветра был совсем не осенний. Задержавшимся летом пахло, яблоками, разнотравьем. И отпуском, черт возьми, отпуском!!! Ах, как ей было хорошо, Марине Андреевой, выжимая из Мотыльки «стошку», упорно двигаться к цели.

В Орле телефон у нее «ожил» после долгого дорожного молчания вне зоны действия сети. Посыпались смс-сообщения от сына, от подруги Сашки. Сашку Синицкую – лучшую Маринину подружку, было искренне жаль. Если бы не работа ее на полный износ на две ставки в школе-интернате, мчались бы сейчас на море вдвоем. Эх, и пошуровали бы в Крыму две еще очень шустрые тетеньки, про которых говорят «баба ягода опять». Но Санька не могла себе позволить даже две недели отпуска. Черт дернул ее влезть в ипотеку и купить квартиру, и теперь она была повязана по рукам и ногам огромным кредитом. Повелась на эту авантюру она с подачи ее любимого и незаменимого супруга Дениса, которому надоело проживание в коммунальной квартире. Ну, коммуналка и Сашке не меньше надоела, поэтому она предложение Дениса приняла, и ипотеку на себя оформила. Кто же думал, что ему очень скоро полное безденежье надоест, и он свалит от Сашки к своей бывшей супруге.

А у Сашки остались от него только стоптанные тапочки в прихожей, и этот жуткий кредит, и чтобы оплачивать удовольствие жить в отдельной квартире, она должна была пахать, как негр на плантации.

Потом позвонил Алексей. Марина поморщилась недовольно: говорила же, не звони больше! Какого черта? Была без радостей любовь, разлука будет без печали. Надоели ей эти половинчатые отношения с женатым мужчиной Алексеем Сотниковым. В праздники он занят, в будни спешит. Позвонить ему, можно, конечно, но лучше послать смс, которую он быстренько уничтожит, а при возможности перезвонит. Ну, и что это за жизнь?!

И вообще, Марина считала, что Алексей ее немного обманул. Когда они познакомились, он сказал ей, что женат, но все идет к тому, что вот-вот – и брак рухнет!

Господи! Ну, сколько можно наступать на одни и те же грабли?! «Рухнет брак»! Да когда мужики так говорят, это значит только одно: никогда и ни при каких обстоятельствах этот брак не рухнет. Просто, ему приелась сытая семейная жизнь, или вообще с супругой Карибский кризис, вот и потянуло на приключения. А поскольку просто так свободные женщины не желают связываться с женатыми мужиками, то тут ими и роняется, как бы между прочим, эта гнусная маленькая ложь – «все хреново, собираюсь разводиться!»

Собираться – не значит разводиться! И все же Марина считала себя чуть-чуть обманутой. Не прозвучи тогда у Алексея эта фраза, она бы не стала и голову себе морочить по этому поводу, не стала бы встречаться с ним, тем более что знакомство было, как знакомство, искры не сыпались вокруг, и пожара не было. Нет, Марина Андреева вовсе не грезила замужеством. Но и отношений хотела с человеком свободным от семьи.

Она очень быстро поняла, что Алексей не собирается ровным счетом ничего менять в своей жизни, и не собирался, но так же быстро она умудрилась врасти в отношения с ним. Вроде и не обжигали они, но стали привычкой, от которой трудно было отказаться. И когда этой весной Марина «заметила» своего соседа, она легко отказалась от встреч с Алексеем Сотниковым, объяснив ему все по телефону.

Он сделал вид, что не понял. Удивлялся и выпрашивал, что случилось, мурлыкал, что соскучился, и хочет встретиться.

Леш, я не хочу обижать тебя, поэтому не заставляй объяснять тебе на пальцах, почему мы больше не увидимся.

Но нам же хорошо было вместе?! – То ли спросил, то ли пытался убедить в этом ее Алексей.

Это тебе было очень хорошо. И удобно. А мне – нет. И еще... – Марина сделала паузу. – Хочешь, я скажу тебе, что чувствовал ты со своей дражайшей супругой после похода ко мне?

Она помолчала, дождалась, когда Алексей выжидающе глотнул воздуха и выдохнул:

Что?

Вину за измену, от которой было тебе сладко-сладко, так, что опостылевшая твоя Лена в этот момент казалась тебе самой-разсамой.

Ты не права, Мариша! – С жаром, но не очень убедительно ответил ей Алексей. – Конечно, что-то подобное было. Я имею в виду вину. Но не так, чтобы что-то сравнивать...

Это уже детали. Главное, что я для тебя являюсь некой таблеткой, которая лечит семейные отношения. Что-то типа виагры... А я этого не хочу. Ты знаешь мое отношение к браку и семье. Я не стремлюсь надеть на тебя хомут. Но и роль таблетки – не для меня. Прости, Леш, на свете немало женщин, которые легко примут твои условия, и будут довольствоваться редкими встречами. Но это не я. Да и, если уж совсем честно, то хочется фейерверка чувств, взрыва эмоций. Я понимаю, что этого уже никогда может не быть, но хотеть-то этого я могу!

И после всего этого Алексей, как ни в чем не бывало, промурлыкал в трубку:

Привет, дорогая моя! Как дела? Чем занимаешься?

Привет! – откликнулась радостно Марина. – Дела отлично, как обычно. А занимаюсь чем... Ну, даже с трех раз не угадаешь, поэтому и тумана напускать не буду: я еду на юг, на машине!

С кем? – Сотников был искренне удивлен, и, кажется, даже что-то вроде ревности прозвучало в голосе.

Почему «с кем»? Представь себе, одна!

Героическая женщина! Вернешься – пригласишь на южное вино и свежий загарчик?!

Нет, не приглашу! Сотников! Сколько говорить тебе, что мы только друзья – не более?!

Так ты и пригласи меня, как друга!

Опять, видать, поругался со своей половиной?

Угадала! Нет, Маришкин, я все-таки решусь на развод. Вот прямо в понедельник и напишу заявление!

Удачи!

До того, как Марина нажала кнопку «отбоя», она успела услышать вопрос: «Так ты позовешь меня в гости?»

Ага! Разбежалась! – ответила она онемевшему телефону, и усмехнулась.

Странное дело: стоило ей серьезно отказать Алексею, как у него резко изменилось отношение к ней. Раньше он звонил лишь от случая к случаю. («Каламбурчик! „От случая к случаю“ почти как от случки к случке. Тьфу! Противно!») Теперь же активизировался не на шутку. И хоть отношений давно никаких, ему надо сохранить всеми силами этот статус героя-любownika. Но точка поставлена, и возвращаться к этим отношениям Марина не собиралась.

Со вчерашнего дня она ждала звонка с какого-нибудь незнакомого номера, а звонка не было. Наверное, сосед ее, мрачноватый мент, найдя записку в почтовом ящике, решил, что это розыгрыш, порвал ее и выбросил. Ну, оно и к лучшему! Что бы она сказала ему? Что он ей нравится? Ну, и что? Опять же мораль и законы не писанные о том, кто должен проявлять инициативу при знакомстве. Мы ведь не в Америке или Голландии. Там, говорят, это в порядке вещей. Да и предлагают женщины мужчинам совершенно конкретные вещи. Например, совместную аренду жилья, естественно, с проживанием под одним одеялом.

Марина-то совсем другого хочет. У нее и жилье свое, и самостоятельность полная во всем. Когда несколько лет назад у них в результате обменов-разделов появилось вторая квартира, сын ей тут же предложил жить отдельно:

- Мам, живи одна, может, еще замуж выйдешь! А мы с бабулей! Так ведь, ба?!
- А вдруг мы скучать будем? – Задумчиво спросила Марина.
- Ну, скажешь тоже – «скучать»! В соседних-то домах?!!

Марина не сразу привыкла к тому, что у нее появилось отдельное жилье, и порой с работы она, забыв об этом, въезжала в соседний двор, где все было знакомо, где ей приветливо кивал почти каждый прохожий.

А потом привыкла к своей уютной квартирке, и зажила одна в свое удовольствие. Вот, правда, с замужеством было глухо, как в танке. Да ей и не замужества хотелось, а отношений. Как она говорила, не с тем, с кем хорошо, а с тем, без кого плохо.

А теперь ей бирюк этот с квадратной головой понравился. До такой степени, что искрило, да еще и как!

Но он не звонил. И эсэмэсок не слал. Стало быть, не хотел или не до женских причуд ему, или вообще бирюково сердце занято всерьез и надолго.

Марина выехала на трассу Е-105. Если по карте смотреть, то строго на юг надо ехать, и прибудешь через тысячу километров в Крым. Правда, до этого ей еще предстояло пересечь границу где-то за Белгородом. Расторопные севастопольские родственники подсуетились и узнали, что лучше всего это сделать в местечке Грайворон, где таможенники не пристают не по делу, и нет очередей из машин.

Этот самый Грайворон на карте оказался в стороне, и пока Марина добралась до Белгорода, изрядно стемнело. «Ну, и хорошо! – наивно подумала она. – Ночью границу, наверное, проще проходить».

Но от этого ей пришлось отказаться, так как в дорогах она запуталась окончательно, а на одной из развилок выскочила на щебенку, насыпанную между расходящимися в разные стороны асфальтовыми рукавами. Мотыка, проскакав метра три по камушкам, остановился. Марина аккуратно вырулила, развернулась там, где делать этого было нельзя, и поехала искать пристанища на ночь.

Она остановилась у придорожного кафе. В нем было почти пусто, лишь несколько припозднившихся путешественников ужинали в крохотном зале перед мерцающим в полутьме телевизором.

Марина перекусила, и вышла во двор, где было припарковано несколько автомобилей с номерами разных регионов. По-летнему теплая и темная ночь стелилась над дорогой, над кустами, в которых напевали невидимые цикады. У крыльца дремал старый пес без привязи. Еще несколько собак всех мастей спали в траве вокруг клумбы.

Марина взглянула на часы. Половина первого. Где искать гостиницу, она не знала. И ехать в город сил не было. Решение ей подсказали путешественники, которые, прикончив ужин, выползли на крыльцо. Судя по номеру на черном Пассате, они тоже были из Питера, вернее, из Ленинградской области.

Ну, мы никакого приюта искать не собираемся! – Весело ответила на вопрос Марины дама. – Мы в машине спим!

Как же вы там умещаетесь? – С сомнением спросила Марина.

А вот сейчас начнем укладываться и увидите!

Если б своими глазами не увидела, не поверила бы! Сначала на заднее сиденье залег глава семейства, в котором было килограммов сто, не меньше! И роста приличного дяденька. Судя по всему, он там сложился, как игрушка-трансформер. Да и то за ним с трудом захлопнули двери. Было слышно, как дядя крякнул, устраиваясь поудобнее.

Мама с сыном откинули спинки передних сидений так, что пассажир на заднем оказался еще и сверху слегка придавлен. Но ему было уже все равно, так как он уснул, едва уронив голову на крошечную подушку. А через пять минут все трое спали и храпели на разные голоса.

«Ну, если они втроем разместились, то я как-нибудь уж покомфортнее устроюсь!», – подумала Марина. – Правда, у них не Матиз, но зато я в нем одна!»

Не сказать, что было очень удобно. Ноги вытянуть совсем некуда было, и они затекали, но усталость давала себя знать, и даже в этой позе эмбриона она мгновенно провалилась в сон.

Проснулась рано, едва отступила ночь, и начало медленно светать. Земляки на Пассате уже разминались вокруг своего «коня», приводили себя в порядок.

С добрым утром! – Тихонько, чтоб не будить никого, кто коротал ночь рядом с ними, поздоровалась Марина. – Вы уже собираетесь?

Да, хотим как можно больше проехать, а если повезет, то к ночи дома будем. А вы не ездите ни в какой Грайворон! Пять минут езды отсюда Нехотеевка. Это с нашей стороны. На украинской – Гоптивка. Народу сейчас не так много, и пограницы с таможенниками не борзые, – глава семейства в подробностях рассказал Марине, как себя вести на границе, как быстрее проскочить ее.

Быстрее не получилось, так как когда она подрулила к Нехотеевке, там уже была небольшая очередь из легковых машин.

Ее сразу перехватили продавцы страховок. Еще до отъезда она выяснила, что этот бесполезный документ придется купить, так как без него местные гайцы будут тормозить на каждом шагу. Марине долго и путано объясняли преимущества полной страховки перед не полной, чтобы вытрясти с нее побольше, а под конец торга, один черт, объегорили – содрали с нее плату по какому-то немислимому курсу хохлобаксов. Желтенькая, как горчичник, бумажка, – второй экземпляр под копирку! – на которой почти не было видно ничего, вряд ли спасла бы россиянку, случись с ней какая неприятность на Украине. Оставалось только молиться за себя и Мотьку, чтобы лихие наездники не протаранили его на чужбине.

Граница вопреки ожиданиям оказалась очень серьезной. Не как между Египтом и Израилем, но тоже без лишних шуток. И над границей, как и положено, ходили хмурые тучи.

В этот ранний час на лицах наших пограничников и таможенников было ясно написано: и куда вас всех черт несет?! Это про тех, кто ехал к югу. А про тех, кто возвел этот никому

не нужный балаган между двумя бывшими союзными республиками, бывшими когда-то роднее родных сестер, мысли были и вовсе не хорошие, а слова, большей частью, не печатные.

Таможенники, зевая, лениво осматривали машины, ощупывали зорким глазом путешественников, задавали дежурные вопросы, после которых в крохотном окошечке пограничной будки кто-то невидимый шлепал синюю печать на листочке «убытия-прибытия», полосатый шлагбаум поднимался вверх, и – здравствуй, Украина! А-а, нет! Сначала надо было пересечь нейтральную полосу между пунктами пропуска, и пройти процедуру въезда, таможенный и пограничный контроль «незалежной и самостийной» республики.

Тут правила похлеще российских были. Во-первых, пограничники и таможенники соседней бывшей братской страны делали вид, что русского языка «не разумеют». Марине в открытое окно без лишних слов сунули квиточек – что-то вроде таможенной декларации, а может и нет, может просто листок какого-нибудь учета. Вопросы на двух языках – украинском и английском. Ни в первом, ни во втором Марина Андреева, как говорится, ни в зуб ногой. В школе учила немецкий, а украинская «мова» ей всегда казалась не самостоятельным языком, а неким местным наречием. М-да! Вот и разбирайся теперь в этом «наречии»!

Молодой пограничник с автоматом, сверкая на Марину черными глазами и ослепительно белыми до голубизны зубами, скороговоркой пояснил:

Имя, фамилия, отчество, год рождения, место проживания, паспортные данные, адрес, куда едете, принимающая сторона, степень родства, цель поездки!

Выпалил, как из пулемета, и понесся к другой машине, а она принялась разбираться, в какой строке что писать. Ну, и, разумеется, запуталась. Парень почиркал в ее листочке стрелочками, что куда вписывать, дал новый бланк и снова убежал.

Заполнив на второй раз все, как надо, гражданка России Марина Андреева отправилась с документами к пограничнику в крошечном домике. Огромный лысый дежурный в камуфляже долго вносил ее данные в компьютер, изучал документы, потом Марину. В конце процедуры шлепнул штамп, и кивнул лениво: «Ехай!»

С таможенниками все было проще.

Оружие, наркотики е?

Нет!

Проезжай!

Марину предупредили: не вздумай шутить на эту тему. Один идиот веселый пошутил. На вопрос про оружие сказал: «Ага! Пулемет везу, станковый!» Так его три часа трясли на досмотре, до трусов раздели, и требовали признаться во всех смертных грехах.

Ну, вот! Два часа чистого времени ушло на переход границы. Марина посмотрела на часы. Если будет поторапливаться, то к обеду в Донецк приедет.

Едва она съехала с виадукса, как под мостом попала в поле зрения местного гаишника. Если по-местному, то «даишника», так как у них не ГАИ, а ДАИ – Державна автоинспекция.

Инспектор, как дядя Степа, здоровенный ломоть, кудрявый, как юный Пушкин, козырнул ей и расплылся в улыбке. В документы ее лишь глазом для порядка глянул. Что смотреть-то, если ее только пять минут назад через границу пропустили. На самом деле, ему просто потрепаться хотелось, «за Россию» спросить, про цены на бензин в Питере и какие пенсии бабкам дают.

Поговорили душевно. Марина заодно спросила, как ей правильно на трассу «в Донецк» рулить.

Ось шаз пид виадук, и все прАмо и прАмо!

Но навигатор показал направо, и она повернула, как велел ей прибор. Ее унесло к развилке, откуда можно было вернуться к пограничному переходу или в Харьков. Покрутившись по дороге, она минут через двадцать снова вынырнула перед виадуком, где загорал на солнышке ее недавний знакомый, кудрявый, как русский поэт, только теперь уже в компании целой бригады ДПС.

Увидев Марину на ее приметной машинке, даишник улыбнулся русской туристке полной обоймой крупных, как кукурузные зерна, зубов, растопырил руки, словно свою старую знакомую встретил, и пошел навстречу:

Ну, куда ж вы повертали??? Я же ж вам казав – прАмо, а вы направо – на ХарьИв повернули!

Да вот, навигатор наврал что-то! – Марина тоже улыбнулась в ответ, а краем глаза увидела, как напряглись дэпээсники.

А даишник, видать, и рад был покрасоваться перед друзьями. Он чуть не по пояс влез в машину через окно, заполнив собой все Мотькино пространство, и дыша в лицо его хозяйке луковым духом, спросил игриво:

Куда ж вы, барышня, повертали не туда?! Я вам казав – прАмо! А вы?! От шаз поедете, и никола не сворачивайте, только прАмо. Там указатель будет на ДонецЬк. А направо – то это как раз на ХарьИв!

Марина поблагодарила его еще раз, с трудом вытолкала из машины, и помахала приветливо. Даишник изобразил ей в ответ что-то похожее на воздушный поцелуй, помахал полосатой палкой: «ПрАмо!», и, хитро ухмыляясь, пошагал к своим коллегам, которые с любопытством смотрели вслед Мотьке. «Сейчас, наверное, нагородит небылиц про наши с ним шурымуры-амуры!», – со смехом подумала Марина, вдавливая посильнее педаль газа.

До «ДонецЬка» оставалось каких-нибудь 70 км, когда она поняла, что телефон ее на территории Украины молчит, как партизан, не просто так, а по поводу. Не в роуминге оказался! Забыла! Стало быть, ждать звонка от соседа уже не стоит. Но самое противное, что ей же нужно было как-то с донецкой подружкой Наташкой Стрелковой связаться. Купить пакет местной связи на трассе оказалось делом бесперспективным. Попросить у кого-то трубку на минутку – верх нахальства.

Марина заметила такую странную вещь: местные жители буквально не выходили из эфира. Видимо, тариф был какой-то халявный у абонентов, позволяющий вести непрекращающиеся переговоры с друзьями и подружками. У торговцев на придорожном рынке, у буфетчицы в кафе, у контролера в туалете – у всех возле уха был мобильник. Вот жаль, третьей руки нет у человека. Она б не пустовала!

Марина, привыкшая общаться по телефону лаконично и четко, не уставала удивляться, слушая, как полуголые барышни в шлепках на босу ногу с облупившимся ярко-малиновым лаком на ногтях ног и рук, лениво cedят в трубку. Текст у всех был почти одинаковый:

И шо он? А ты? А он? А она шо, дура совсем??? Не, я тя не понимаю! А он шо? И? Ой, мама дорогая!!!

А молоденькие мамашки с колясками трепались про то, как «кроха дитяtko» вчера сказал «мама», а муж спорит, что «папа».

Не, он мне будет шо-то доказывать! «Папа! Да «папа» дети только после «мама» начинают понимать! А он мне доказывает!!! Слышь, чуть не до драки! Шо?! Та помирился, конечно! Да, ты ж знаешь, одеяло помирят! Га-га-га!!!

Марина присела за круглый столик у летней кафешки, вытащила из сумочки синенькую бумажку достоинством в пять гривен. Не очень понимая, много или мало это, она положила денежку под нос конопатой девице, которая на ее глазах тянула телефонную резину ни о чем, и решительно сказала:

Будьте добры, один звонок с вашего телефона, всего две минуты, по Украине!

Девица услышала ее. Прошуршала «Я тебе перезвоню!», цапнула бумажку, которая мгновенно исчезла где-то в складках красивой, белой, как хлебобулочное изделие из дрожжевого теста, груди, не вмещавшейся в глубоком вырезе пестрой кофточки. Видать, нормальная плата за две минуты разговора! – и деловито спросила:

Номер говорите!

Марина продиктовала Наташкин номер, и через секунду услышала родной голос. Наташка зачирикала, как всегда, но Марина ее погасила аккуратно:

Натик, я в семидесяти километрах от тебя, но я вспомнила, что не знаю твоего домашнего адреса! Да! Записываю! ОК! Жди, я скоро буду!

Донецк показался Марине городом культурных водителей. Ее везде пропускали, одобрительно подмигивали фарами, приветствовали. Правда, «украинскому глобусу» эти нежности были по барабану: навигатор все так же опаздывал с сообщением о нужном повороте. Да еще и прочитать толком не мог набранную латинницей наташкину улицу Щетинкина. В итоге по Донецку Марина наездила чуть не сотню километров, так и не найдя нужного адреса. Да еще и в одном месте, проскакивая перекресток, не разглядела за ним ямку, в которой Мотька подпрыгнул, а вместе с ним подпрыгнул чемодан, сумка с подарками, бутылка с водой и ... ведро с грибами. Приземлилось оно не очень удачно, и в салоне больше, чем нужно, запахло соленьями. Часть белых проскользнули в щель между тарелкой и краем ведра и расплзлись медузами на коврике.

Черт! – Крикнула Марина в сердцах и стала искать место у тротуара, чтобы по горячим следам убрать грибной беспорядок, а заодно и справиться у горожан: надо ж было как-то добираться до этой засекреченной улицы Щетинкина.

Ей повезло. Какой-то дядя на остановке не стал махать крыльями, посылая ее на все четыре стороны, а сказал:

Сейчас подойдет маршрутка номер «11», вот за ней вы и поезжайте! Кольцо у нее там, прямо на рынке, а рынок – на Щетинкина. Какой дом вам нужен? 17-й? Он у рынка и есть.

Марина дождалась 11-й маршрутки, пристроилась ей в хвост, и порулила потихоньку. Не прошло и десяти минут, как показалась та самая улица, а за ней и тот самый дом, что ей был нужен. Только она высунулась в окно, чтобы спросить у мужиков, дувшихся в палисаднике

в домино за колченогим столиком, про нужную ей парадную, как чуть не оглохла от радостного визга:

Маришка! Родная моя! Наконец-то, а я уже три часа гуляю, тебя высматриваю!

Наташа Стрелкова вытащила ее из машины, и принялась душить в своих могучих объятиях.

Когда улеглись страсти, и подружки угнездились наконец за крохотным столиком в игрушечной кухне Наткиной квартирке в «малосемейке», розовая от ванны Маринка, таянув по случаю нежной долгожданной встречи «пять капель» чего-то украинского народного коричневатого цвета, спросила тихонько:

Тусь! Ну, как ты тут...?

Наташа Стрелкова когда-то тоже жила в Питере, а познакомились они в роддоме: Наташкина Женька и Маришкин Гошка родились в один день и почти в один час. Счастливые мамы лежали рядышком, отходя от того сумасшествия, которое только что произошло с ними, а на одном пеленальном столике причмокивали крошечными губами две розовые куклы с крепко зажмуренными глазками.

Сын? – Спросила Наталья.

Сын, – ответила Марина.

А у меня девочка!

А муж хотел мальчика?

А муж хотел хоть кого-нибудь... Он у меня не так молод, поэтому боялся, что вообще детей не будет, и вот... такой подарок.

А за окном больничной палаты плавился первый июньский день и по истертому линолеуму передвигался от стены к стене солнечный квадрат. Когда сегодня утром у них «все началось», солнышко даже не заглядывало в окно, а сейчас переползло на другую сторону. Сколько же это часов прошло?... Какой долгий день! Такого в жизни у Марины еще не было. Словно растянутый до ста часов...

Натуся!!!! – Раздалось за окном.

Наталья встrepенулась и поднялась на локте. Крик за окном повторился.

Левушка... Ну, как я ему отвечу?! – Наталья чуть не плакала.

Муж?

Муж! – Наташка просияла. – Знаешь, какой он?! Необыкновенный... А твой? Уже знает?

Марина резко дернула головой, отвернулась к стене. Она молчала. А Наташка тихонько сказала:

Извини.

Потом их перевезли в обычную палату, где, кроме них была еще одна молодая женщина. Вообще-то женщинами они себя не чувствовали. Девчонкам по 20 лет! Но в роддоме всех называли «женщинами». Ну, «женщина» так «женщина»!

Та, третья, быстро ввела их в курс дела, объяснила, что детей принесут на первое кормление только утром, и посоветовала отоспаться хорошенько, пока не начался «весь этот кош-

мар». Потом сладко зевнула, отвернулась к стене, и засопела. Когда пришла медсестра с градусниками и тронула ее за плечо, женщина недовольно дернулась, и промычала:

Потом...

Медсестра приставать не стала, ушла, тихонько притворив за собой двери. А Наташка с Мариной переглянулись, и тоже трогать незнакомку не стали, и разговаривали исключительно шепотом.

Вечером того июньского дня Наташкин муж Лева добрался-таки до открытого окна.

Створка закрипела, зашуршало что-то за карнизом, над которым вдруг показалась коротко стриженная макушка.

Ой, мужчина! – Удивленно сказала Маринка, глядя за окно.

Левка! Ты как сюда попал?! – Шепотом прошипела Наталья, сделав страшные глаза. – Тут же третий этаж!!!

Она сползла с жесткой не удобной, словно с ребрами под матрасом, кровати, накинула халат и кособоко подползла к окну.

Марин, смотри, как он забрался! Ну, изобретатель!

Ничего нового! – Со смехом ответил ей муж. – Тут у мужиков в теплое время года халтурка постоянная. Червонец платишь, и поехали хоть на второй, хоть на третий этаж!

Марина подошла поближе к окну, выглянула вниз. Там стояла огромная машина, у которой вместо кузова была платформа-тележка. Платформа поднималась вверх на большом блестящем столбе. В тележке на цыпочках стоял муж Натальи – Лев, с цветами и апельсинами в сетке-авоське.

Левушка! Ты зачем все это принес? Цветы нельзя сюда, и апельсины тоже! Нам цитрусовые есть противопоказано – у малышей может аллергия начаться!

Ну, и куда я теперь с этим? Знаешь, как я их доставал! Для тебя...

Неси домой! Или, знаешь что... Отнеси в приемный покой, отдай нянечкам. Скажи, приходил в седьмую палату к Стрелковой, а сказали, что нельзя. Пусть апельсины едят и на цветочки любят.

Ладно! Нянечкам, так нянечкам. – Проворчал муж беззлобно. – Наташка, ну, как хоть все, а? Тебе больно было?

Ну, ты даешь! – Шикнула на него Наталья. – Разве можно такое вам рассказывать? Ты тут в обморок упадешь! Или вообще свалишься вниз с тележки!

А как бы посмотреть, а?

Да я еще и сама не видела! Ну, видела, но не помню. А кормить первый раз только завтра принесут! Дома насмотришься! Все, уходи, вон, дядька уже машет тебе. И больше этого не делай, ладно?

Наталья потянулась поцеловать мужа, и Марина отвернулась, чтобы не смущать их.

За окном тихонько щелкнул какой-то механизм, и Наташкин муж помахал всем – «Пока!». Его взъерошенная макушка дрогнула и скрылась под окном. Наталья еще посмотрела немного вниз, потом махнула ладошкой, и отошла от окна.

Эту лохматую макушку Наташкиного мужа Марина всегда вспоминала, когда ей было особенно одиноко. Обидно было до чертиков, что к ней никто в окно не забирался с апельсинами и цветами. И она так легко не отказывалась от них в пользу больничных нянечек. Ах, как ей хотелось вот так же просто сказать лохматой макушке в окне, что им нельзя есть апельсины, потому что у малышей может быть аллергия, а цветы нельзя, потому что антисанитария!

Но ей так сказать было абсолютно некому. Марина весь вечер пролежала тогда, отвернувшись носом к стенке, как их третья соседка по палате, и даже всплакнула без звука, закусив до боли фалангу указательного пальца на правой руке.

Наталья не понимала, что происходит. Она присела на краешек скрипучей больничной кровати с продавленной сеткой, в которой точно в гамаке, утонув по центру, лежала Маришка, и тихонько поглаживала ее по плечу. На нем ясно выделялись два аккуратных пятнышка – следы от детских прививок, из-за которых хрупкая Маришка сама выглядела обиженным ребенком. Наталья ни о чем не расспрашивала свою новую подругу.

А ночью Марину прорвало. Не смотря на трудный и длинный день, им не спалось. Они устали считать слонов и баранов, уставившись в едва схваченный тенями потолок больничной палаты – за окном висели белые питерские сумерки.

Наг, ты не спишь? – Заговорила Марина, сначала шепотом, словно пробуя плотную тишину, потом – в полголоса, так, что Наташе не пришлось прислушиваться к словам.

...И что, ты так больше о нем и не знаешь ничего? – спросила Наталья, когда ее новая подруга закончила свой печальный рассказ.

Нет, конечно. А что и как тут узнаешь?!...

Они помолчали. Наташка нашла в темноте Маришкину руку, крепко сжала ее холодные пальцы. «Держись!» – не сказала, а выдохнула.

Из роддома их забирал Наташкин муж Лев. Их выписали одновременно, а ехать им было в одну сторону, вот и решено было сэкономить немножко на такси.

У Наташи и Левушки была маленькая квартирка на Московском проспекте, а у Марины – комнатка в коммуналке на соседней улице. Они были безумно рады тому, что живут рядом. Город огромный, с маленьким ребенком много не наездишь в транспорте по гостям, а тут – пять минут спокойным шагом между ними.

Лев у Натальи вкалывал с утра до вечера на своем заводе, совмещая все, что позволено было совмещать ему на инженерной должности. Уходил засветло и возвращался затемно. В выходные думал только о том, как бы выспаться вперед на всю неделю. И чтобы маленькая Женька не мешала папе спать, Наташка брала малышку и уходила на весь день к Марине. Да и по будням они все время проводили вместе. Так было проще и малышей убаюкивать, и кормить, и по очереди бегать на молочную кухню.

Очень скоро Лев Стрелков стал говорить про них «мои девчонки», а на работе над ним подшучивали мужики: отвез в роддом одну жену, назад получил двух, и обе – с малышами. И в детском вопросе полный набор – один мальчик, и одна девочка.

Это было не вероятно. Таких близких отношений, какие сложились между этими, вчера еще абсолютно посторонними людьми, надо было поискать среди родственников. Родных людей нередко раздрают не нужные ссоры, и войны между ними идут такие, что оторопь берет. А эти трое стали роднее родных. Нет, не трое! Еще Женька и Егорка, их дети. Они очень скоро перестали разделять их, только в документах одна была Стрелкова, а другой – Андреев.

Они почти одновременно начали ходить и говорить. И если мам было две – Наташа – у Женьки и Марина – у Егора, то папа был один, только Женькин. И когда Егорка следом за Женькой уверенно назвал Левушку «папой», тот не очень-то и удивился. А Маришка разрыдалась.

Они жили очень дружно. Особенно веселыми были праздники, когда Лева устраивал для всех поход в парк или поездку за город. Марина не чувствовала себя лишней в их семье. От денег, которые она пыталась ему всучить на общий кошелек, отмахивался всегда.

– Отстань, Мариша! – Весело говорил ей Лева. – На том свете угольками сочтемся...

Такая поговорка у него была.

А потом случилось страшное – умер Левушка. Все произошло на работе. Утром ушел, как всегда – поцеловал на дорожку спящую Женьку и сонную Наташку, которая проводила его до порога. До работы доехал нормально, только давило как-то противно внутри, будто долго-долго бежал по глубокому снегу и задохнулся.

На проходной Лева показал свой пропуск, шагнул на территорию завода, и тут у него потемнело в глазах. Он качнулся, по инерции пролетел несколько шагов вперед, и упал. Пока прибежала из медпункта сестра, пока вызвали скорую помощь, пока все бестолково носились кругами по темному коридору в поисках аптечки с нашатырным спиртом, Левушке он уже не понадобился. Да и вряд ли бы нашатырь спас его изношенное сердце.

Вечером Наташке сообщили о том, что случилось. С завода к Стрелковым снарядили целую экспедицию. Когда Наталья открыла двери, и увидела делегацию, во главе с заместителем директора завода, она все поняла. В глазах у нее потемнело, а очнулась она на диване с ваткой под носом, смоченной заранее нашатырем.

– Ты поплачь, поплачь, – скулила по-бабьи ей в ухо председатель месткома завода Анна Игнатъевна Чичина. – Легче станет, девонька.

А Наталья не могла плакать. Она окаменела. Ни слез, ни рыданий, ни причитаний. Она, то сидела часами, уставившись в одну точку, то носилась, как заводная по дому, собирая вещи в морг мужу. И все это абсолютно молча.

Зато трехлетняя Женька давала дрозда за троих: она орала, не переставая ни на минуту. Ей хотелось, чтобы мама держала ее на руках, играла с ней, разговаривала. А мама не могла выдать из себя ни слова. Наташка похудела и осунулась за эти дни, и безумно устала от огромного количества незнакомых людей, которые что-то делали в ее доме, скользили тенями в тесной прихожей, шепотом разговаривали, пытались с ней обсуждать меню для поминального стола.

Она смотрела на них с мольбой. «Отстаньте все!» – прочитала в ее глазах Марина.

– Отстаньте от нее! – Сказала она всем по-тихому на кухне. – Если что-то надо спросить – спросите у меня. А ее не трогайте.

Очнулась Наташка после девятого дня. Марина с Егоркой тогда поселилась у нее, взвалив на себя все заботы о детях, и о Наталье, которая все так и молчала, глядя часами на фотографию Левушки в черной рамке. Глаза при этом у нее были сухие, красные от бессонницы.

На девятый день поехали на Южное кладбище, оставив малышей на соседку. Наталья испуганно озиралась по сторонам. В день похорон она кладбище не видела. А тут...

Наталья вопросительно посмотрела на Марину.

– Самое крупное в Европе, – пояснила она.

– Правда что ли? – С удивлением спросила председатель профкома Чичина, которую прислали с завода для помощи вдове. – Надо же... Самое крупное в Европе...

Когда вечером они остались дома одни, Наталья вдруг сказала тихо:

– Как теперь жить?

Она посмотрела на Маринку воспаленными уставшими глазами.

– Как жить... – Марина тяжело вздохнула, скрывая за вздохом радость: слава Богу, заговорила! – Наташ, надо жить. Ты не одна.

– Как теперь жить? – Снова сказала Наталья. Она спрашивала у себя самой. И ответа не ждала.

После сорокового дня потекли серые осенние будни, горькие и печальные. Марина старалась загружать Наталью по полной программе. Пока та была занята, как-то забывалась. Даже улыбалась порой. А стоило ей остаться без дела, как она тут же уходила в себя, и Марина видела, как мгновенно наливаются у нее слезами глаза и начинают дрожать руки.

Это был страшный год, в котором не было праздников – одни будни. Не было зимы, весны и лета – была только осень, зябкая и стылая.

Они сдали Маришкину комнату двум тихим студенткам из Читы, и поселились у Натальи. Марина ухаживала не только за их детьми, но еще и за подружкой, которая не в состоянии была даже одеться нормально. Наталья не помнила, где у нее лежат колготки, не знала, куда подевалась кофточка, не понимала, сколько надо заплатить за продукты в магазине.

Приходить в себя Наталья стала только через год.

За это время тихие студентки из Читы оперились в Питере так, что соседи по коммунальной квартире стонали от их выкрутасов. Они разыскали Марину и потребовали выгнать этих квартиросъемщиц, у которых, что ни день, то праздник с мужиками да хороводами, и гульба до утра.

За неделю Марина решила все проблемы с соседями, и только собралась найти новых жильцов, как Наталья ей объявила:

– Мариш, не надо никого искать...

– Почему? – Маринка удивилась. Деньги, которые она получала от студенток, были хорошей прибавкой к их общему бюджету.

– Я, Марин, к родителям поеду, на Украину. Квартиру здесь я поменяю на хорошую в Донецке. Я не могу больше тут жить. Тут мне все всегда будет напоминать Левушку...

Наташка меняла свою квартиру долго и мучительно. Продать в Петербурге недвижимость, чтобы купить квартиру в другом месте, тогда еще было нельзя. Квартиры еще не были в собственности. Все, что можно было сделать – это обменять. И чтобы переехать в хорошую квартиру в Донецке, Наташке пришлось стать звеном в «цепочке», в которой, к счастью, звеньев было не так много – только три. Причем одно звено – одинокая бабушка с Невского проспекта, которая должна была въехать в Наташкину квартиру из больших хором с приличной доплатой, в последний момент едва не соскочила с обмена. Бабушка сначала стала заворачивать большую доплату, а когда риелтор Танечка поговорила с ней по душам, оказалось, что бабушка просто боится остаться без доплаты и без квартиры.

В это же самое время граждане Донецка, которые спали и видели квартиру на Невском проспекте, просто били копытом и сидели на чемоданах. Они каждый день звонили бабке, которая взбрыкнула в последний момент, и всячески уговаривали ее, мешая тем самым процессу обмена. После их звонка бабка звонила Танечке и рыдала в трубку:

– Я боюсь этих нахальных дончаков! Танечка! Вы должны меня понять! Я – коренная ленинградка, а они мне говорят – «бабка»! Какая я им бабка?! То же мне, внуки! И вообще, я их боюсь. Может, ну, его к чертям весь этот обмен, а?

Дончаки в это же время обрывали телефон Танечки, но им из трубки доносились лишь частые гудки занятости. Наконец, они пробивались через эфир, и почти рыдали, и жаловались на упрямую бабку.

А Танечка в свою очередь терпеливо внушала им, что если они не прекратят это не нужное общение, то все сорвется, так как бабушка уже была готова пожертвовать внесенным залогом и остаться в хоромах на Невском.

И только Наташка тихонько сидела в своей квартирке и никому не звонила, и никого не торопила, а просто ждала. Ей по большому счету было все равно, срастется или нет. Не срастется – значит, она снова впряжется в поиск, и найдет, в конце концов, то, что ей нужно. И она высидела результат. Дончаки, наконец, перестали дергать питерскую бабку, бабка успокоилась. И когда в очередной раз она получила квитанции на оплату коммунальных услуг, и остатки волос у нее на голове встали дыбом от цифр, она позвонила Танечке и устало сказала:

– Я согласна.

«Слава тебе господи!» – сказала про себя Танечка, и взяла быка, вернее, одинокую бабушку, за рога, и уже через два месяца Наташка уезжала на Украину.

Как они прощались на Московском вокзале, Маринка не любила вспоминать. Они то плакали, то смеялись, говоря друг другу банальности:

– Какие глупости – расстояние! Всего-то Украина! Не Америка же, правда?

– Правда!

– Мы будем встречаться каждый год, правда?

– Правда!

– И даже чаще! Правда?

– Конечно! Три раза в год, как минимум!

И обе при этом знали, что не будут они встречаться каждый год, не получится. Да, Украина – не далекая граница, но порой расстояние даже в сто километров преодолеть большая проблема. В общем, понимали они, но не произносили вслух свои сомнения, чтобы не рыдать. И так было плохо.

Домой с вокзала Маринка ехала, как с кладбища.

Они писали письма друг другу, звонили, а встретились только через пять лет после разлуки. Как в воду смотрели.

Выбрались к Левушке. Если бы не Марина, Наташка ни за что не нашла бы могилу мужа. Южное за пять лет разрослось просто до немыслимых размеров.

– Самое крупное в Европе... – задумчиво сказала Наташка, стоя у аккуратно убранного в мраморную опалубку холмика. Уезжая на Украину, она оставила подруге деньги, и попросила сделать все, как надо. Денег хватило на скромный памятник с фотографией, и на цветочник из мрамора.

Все остальное Марина каждый год делала сама: сажала цветы, выдибрала сорняки вокруг, красила узенькую скамейку. Егорку она привозила с собой. Она не учила его, но он сам, увидев первый раз портрет Левушки, вдруг сказал:

– Папа...

Потом она объяснила ему, когда он стал постарше, что это не папа, а дядя Лева.

– Тогда где мой папа?

– Ну, твой папа, сынок, его нет...

– Не-е-е-т, так не бывает! Я помню, что дядя Лева нас на каруселях катал. Это папы детей катают на каруселях.

Маринка тогда не стала переубеждать сына. В конце концов, о таком папе, каким был Левушка, любой ребенок мог только мечтать. Конечно, ничего Егор помнить не мог, просто были рассказы Маринкины про Наташу и Женечку, про дядю Леву, были фотографии. А может быть, была и какая-то особая детская память, и Егорка в самом деле все это помнил. Вот, Маринка, например, помнила себя лет с пяти, а он, может быть, с более раннего возраста.

Разубеждать Марина его не стала. А сам он, даже повзрослев, вопросов на эту тему не задавал. Историю дружбы его матери с семьей Стрелковых он не раз слышал. Фамилии, опять же, разные, а при этом Левушку он, вспоминая, называл «папойлевой». Вот и все.

* * *

Ох, и наквасились они с Наташкой! Шутка ли сказать – не виделись...

– А сколько мы не виделись-то? Лет двенадцать?!

– Почти четырнадцать...

– Почти четырнадцать... Целая маленькая жизнь. – Наташка закурила, и, разгоняя дым ладошкой, распахнула створку окна. С улицы потянуло сентябрьской южной прохладой, которой безумно рады местные жители – «наконец-то жара отпустила!». Для них «плюс» 23 – уже прохлада против «плюс» 35-ти. А для Марины, которая минувшим летом ни разу не разделась до сарафана, так как лето было дождливое и холодное, это был знойный вечер, и впереди у нее таких вечеров было как минимум десяток. Да еще у моря!

– Тиха украинская ночь! – С чувством выдала Наталья, выпустив дым колечками прямо за окно, и закончила:

– Но сало трэба перепрятать!

Они расхохотались.

– Все, Нат, больше ни-ни! Давай, завариваем чай, и дальше пьем только его, и трезвеем. И часов пять надо поспать. Тебе завтра на работу, а мне в дорогу. Я хочу засветло до родственников добраться.

– Мариш, может, еще на денечек останешься?

– Не уговаривай! Не останусь! Наташка, ну, пойми ты: мне на работе только десять дней дали! А я к ним еще четыре дня на дорогу украсть должна. Да еще и не укладываюсь в четыре дня! В общем, еще придется парочку дней прогулять. Пока не придумала, как буду отмазываться, может, и пронесет, а нет...

– Да пронесет! Кто тебя уволит, такую незаменимую?! Марин! Ну, кто у них, как кенгуру на празднике прыгать с детишками будет, а? А дни рождения зайцам и тиграм отмечать? Вот то-то же! Ты одна такая, артистка!

– Твоя правда! Прикинь, попыталась уйти, так сказали – ищи замену! А где я ее найду?! Кто будет за копейки с утра до вечера перед публикой придумываться???

Марина Андреева работала в зоопарке, организатором праздников и зрелищных мероприятий. В ее задачи входило не просто устраивать мероприятия «для галочки», как это бывает часто, а придумывать ходы и выходы, которые делали каждое «мероприятие» неповторимым, веселым, интересным, чтоб его запоминали дети и взрослые, и чтобы им снова и снова хотелось приходиться в зоопарк.

Платили Марине за это не так много, но зато она была свободна, как Куба. И эта свобода позволяла ей крутиться так, что она еще успевала в тридцать три места в день. Да еще и статьи писала в городскую газету. У нее там рубрика была своя – «Усы, лапы, хвост», в которую она

раз в неделю присылала смешные новости из зоопарка, подписанные псевдонимом «Глаша Зверева».

Марину Валерьевну в зоопарке любили, и на ее праздники сотрудники – даже в свой законный выходной! – приходили сами и приводили детей и внуков. Дети визжали от радости, глядя на то, как из вольера выходит кенгуру в тельняшке и бескозырке с большим клетчатый чемоданом в лапах. Кенгуру открывал чемодан и раздавал детям леденцы на палочке, и надувал для всех воздушные шары, которые доставал из сумки на пузе. И ни взрослые, ни дети не видели, что костюмчик у кенгуру изрядно поизносился, повытерся коричневый плюш на лапах, а на правом боку и вовсе прореха зашита черной ниткой через край.

Это был любимый персонаж Марины. Кенгуру звали Фунтиком. Она сама придумала эту живую куклу, и по ее задумке мастер сшил для нее костюм из плюша. Костюм был удобный, хоть и громоздкий: ниже талии у кенгуру были жировые складки из поролон. Особенно тяжело в нем было прыгать. А прыгать приходилось много! Но было в этом и большое благо: Маринка от этих прыжков с утяжелением была тонкая и звонкая. Ни диеты были ей не нужны, ни фитнес с аэробикой. Только один раз она показала детям, как скачет Фунтик, а за ним паровозиком все посетители зоопарка. С тех пор на каждом празднике ей приходилось отрабатывать этот трюк. А праздники были не только календарные! Вот и считайте, сколько кг «минус» от каждого выходного!

Как-то Марина приболела, а утренник для детей было уже не отменить, и она притащила в зоопарк Егорку, который тогда в десятом классе учился. Егор упирался, но Марина уговорила его:

– Тебе и делать-то ничего не надо будет! Наденешь костюмчик, с детками в хороводе под музыку походишь, потом попрыгаешь немного по дорожкам – они это очень любят, и под конец угостишь всех леденцами и шариками!

Егорка малость поупирался, но согласился.

Детки не заметили, что Фунтик какой-то не такой: слегка косолапый и неповоротливый. И молчаливый. Говорить Егор отказался бесповоротно, и перед началом праздника пришлось объявить, что Фунтик объелся мороженым, и у него болит горло. Для пущей убедительности, Фунтику перевязали горло красным шарфиком.

Все остальное он сделал как надо. Правда, потом сказал Марине недовольно:

– Мам, я чуть не умер, когда скакал паровозиком! Какой враг это придумал, а?

– Ну, если честно, то я!

– Ну, ты даешь стране угля! Это ведь издевательство!

– Детям нравится. Да и мне тоже! Зарядка хорошая. Ну, и кусочек славы!

С Мариной в обличье кенгуру фотографировались, как с Аллой Пугачевой. Даже чаще. Примадонне все это давно обрыдло, а Фунтика просто перло от всеобщего внимания, да и отказать малышам в удовольствии он не мог и права не имел.

Ей вообще ее работа нравилась, и на работе у нее всегда было хорошее настроение. А за выдумки и нестандартные решения ее постоянно отмечали премиями. Правда, когда она явилась в районную Администрацию в образе беременной белой медведицы, там все чуть не попадали в обморок. Не сразу разобрались, что это лично завкульт Марина Валерьевна Андреева в костюме, так классно все было сработано. Потом долго смеялись. Еще бы, в шкуре медведя заявлялась на торжественное заседание, получать диплом. Прямо с праздника сорвалась, некогда переодеться было. Да, если честно, так и задумано было. Ей, собственно, и диплом за это давали – за детскую улыбку. Ну, не грех и взрослым улыбнуться.

Любила она отчебучить что-нибудь такое, отчего директор зверского заведения просто за голову хватался, а потом за живот – умирал от хохота и давал «добро». И Марина устраивала то празднование дня рождения тройни в семье уссурийских тигров с требованием предо-

ставления многодетной семье нового жилья, то проводы на пенсию ослицы Гертруды. И всем было весело.

Поэтому вопрос увольнения ее из зоопарка даже не рассматривался. И когда Андреева приходила к директору и говорила ему, что устала, что хочет поменять работу, чтобы не скакать больше Фунтиком по аллеям парка, он отмахивался от нее, как от назойливой мухи, и говорил:

– Я не слышу тебя, Андреева, поняла? Не слы-шу! Кто все это будет делать, а?

– Да мне-то что? Скажете тоже! Я что, всю жизнь тут придуриваться буду?! – Возмущенно пыхтела Марина.

– А ты как думала? – Директор делал зверское лицо и всем видом показывал, что возмущен ее поступком, только глаза его выдавали. Они смеялись.

– Марин! Вон, Гертруда до пенсии детишек по кругу катала, наши дети ее еще малышкой помнят, правда, ведь? Ну, устроила ты ей проводы на пенсию, и что? Что она теперь в стойле стоять будет? Бесплатно морковку кушать? Ну, уж нет! Тяжело детишек катать, значит на легкий труд ее – пусть на клумбе стоит, траву ест и красиво позирует. Пусть не за забором живет, пусть бродит, где хочет, чтобы к ней могли подойти и погладить! Это ж природа, Андреева! Живая природа! Дети ее только тут и могут увидеть! А ты говоришь – «Увольняюсь»!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.